This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

I556.
ND699
F4
D5
STANFORD LIBRARIES

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

П. А. ѲЕДОТОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Л. К. Дитерихса

Съ портретомъ Ѳедотова и 15-ю снимками съ его произведеній

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Боль. Модѣлческая, 39
1893

У.Б.Л.М.П.

Инв. №92224

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ 25 СЕНТЯБРЯ 1892 Г ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА" В ПОХЪ

Ѳедотовъ.

1955

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

92

П. А. ѲЕДОТОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

№ 886 — У. Б.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Л. К. Дитерихса.

Стр. 78.

Съ портретомъ Ѳедотова и 15-ю снимками съ его произведеній.

1942
ЖЕРЖСКАЯ
Центральная Библиотека
имени Максима Горького
ЦѢНА 25 коп.
№ 556.276
19
СПИСАНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1893.

92 Фейгин П. Х
75

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 Іюля 1892 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 5

I. Дѣтство.—Отецъ.—Семейная обстановка.—Полная свобода и отсутствіе системы въ воспитаніи.—Въ Москвѣ.—Впечатлительность и наблюдательность ребенка.—Поступленіе въ корпусъ.—Выдающіяся способности Ѳедотова, необыкновенная его память.—Пристрастіе къ музыкѣ, пѣнію и рисованію.—Выпускъ въ офицеры л.-гв. Финляндскаго полка.—Первые шаги на художественномъ поприщѣ.—Выходъ въ отставку. 7

II. Нѣсколько словъ о состояніи русскаго искусства до Ѳедотова.—Матеріальныя условія и жизнь его послѣ отставки.—Занятія его батальной живописью.—Письмо Крылова открываетъ Ѳедотову настоящее его призваніе.—«Утро чиновника, получившаго первый орденъ» и «Разборчивая невѣста.—Выставка въ Академіи.—Восторгъ Брюлова и покровительство Академіи.—Назначеніе программы на званіе академика.—«Сватовство маіора».—Успѣхъ этой картины среди публики.—Популярность Ѳедотова.—Стихотворное объясненіе къ этой картинѣ, написанное самимъ художникомъ.—Увлеченіе Гогартомъ и Уильки.—Значеніе Ѳедотова, какъ моралиста и нравописателя. 18

III. Обстановка квартиры.—Домашняя жизнь Ѳедотова.—Его характеръ.—Любовь къ дѣтямъ.—Наружность.—Отношеніе къ искусству и жизни.—Взгляды его на нѣкоторые вопросы.—«Болѣзнь и смерть Фидельки».—«Модный магазинъ».—Намѣреніе издавать художественно-литературный листокъ.—«Мышеловка».—«Художникъ, женившійся безъ приданаго».—Альбомъ А. И. Бегрова.—Альбомъ А. И. Сомова.—Коллекціи Жемчужникова, Званцева и Дружинина.—«Крестины».—«Утро обманутаго молодого.—«Отношеніе критики и публики къ произведеніямъ Ѳедотова.—Брюловъ, какъ покровитель Ѳедотова. 36

IV. Поѣздка въ Москву.—Успѣхъ Ѳедотова тамъ.—Устройство семейныхъ дѣлъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Задуманныя новыя работы: «Пріѣздъ Государя въ институтъ», «Возвращеніе институтки домой», «Мадонна съ младенцемъ» и «Вдовушка».—Воспоминанія Дружинина и Лебедева объ этой картинѣ.—Начало болѣзни Ѳедотова.—Полная нищета его семейства.—Копіи.—Сумасшествіе.—Посѣщеніе друзьями Ѳедотова въ сумасшедшемъ домѣ.—Смерть. . 5

Главнѣйшіе источники и пособія.

1) *А. Дружининъ.* «Воспоминанія о русскомъ художникѣ П. А. Ѳедотовѣ». 1853 г.

2) *П. С. Лебедевъ.* «Нѣсколько словъ о русскомъ художникѣ П. А. Ѳедотовѣ». 1853 г.

3) *В. Толбинъ.* «П. А. Ѳедотовъ». Журн. «Пантеонъ» за 1854 г.

4) *И. Можайскій.* «Нѣсколько словъ о покойномъ академикѣ П. А. Ѳедотовѣ». «Отечественныя Записки». 1859 г.

5) *Витовскій.* «Воспоминанія...» «Русское Слово». 1862 г.

6) *Петровъ.* «П. А. Ѳедотовъ и современное значеніе живописи бытовыхъ сценъ». «Сѣверное Сіяніе». 1862 г.

7) *Его-же.* «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Ак. Худож.» 1866 г.

8) *Русскій Художественный Листокъ* В. Тимма. 1853 г.

9) *Маркова.* «Свиданіе друзей съ Ѳедотовымъ въ частной лечебницѣ». «Иллюстрированная Газета». 1871 г.

10) *Стасовъ, В. В.* «Тормазы русскаго Искусства». «Вѣстникъ Европы».

11) *Его-же.* «25-ти лѣтіе русскаго искусства». «Вѣстникъ Европы».

12) *Сомовъ, А. И.* «Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ». С.-Петербургъ. 1878.

Печальна и тяжела участь русскихъ талантливыхъ людей. Довольно вспомнить имена Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Никитина, Кольцова, Шевченко, Иванова, Новикова, чтобы придти къ убѣжденію, что въ нашемъ обширномъ отечествѣ не хватаетъ, какъ это ни странно, мѣста для людей, выдающихся изъ ряда; что̀ бываетъ причиной такого явленія—объяснить трудно; общественныя-ли условія, отсутствіе-ли нравственной и умственной дисциплины, вліяніе наслѣдственности, грубое отношеніе современниковъ — мы не беремся судить. Для насъ несомнѣненъ только тотъ фактъ, что большинство нашихъ лучшихъ людей жили и умирали, въ большинствѣ случаевъ, недостаточно понятые и оцѣненные современниками. У князя Вяземскаго есть прекрасное стихотвореніе, въ которомъ онъ выражаетъ ту-же мысль:

....И сколько ужъ именъ прекрасныхъ
Она отторгла отъ живыхъ.
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ...

Имена эти «отторгнуты отъ живыхъ» въ самую лучшую пору, въ періодъ расцвѣта ихъ силъ и таланта и тогда, когда, казалось, ничто-бы не могло мѣшать имъ дѣлаться еще болѣе прекрасными, на славу и гордость горячо любимой ими Россіи, которая только послѣ ихъ преждевременной смерти обыкновенно догадывалась заднимъ числомъ о томъ, какихъ людей она лишалась, при жизни не умѣя ни цѣнить, ни беречь этихъ своихъ дорогихъ сыновей, отравляя ихъ существованіе или полной нищетой, или-же пошлыми и недостойными, мелочными придирками и преслѣдованіями.

Самъ Ѳедотовъ, біографію котораго мы даемъ теперь нашимъ читателямъ, не лишенъ былъ того-же взгляда на участь русскихъ талантливыхъ людей, когда написалъ въ альбомъ М. А. Половцова четверостишіе:

Все планъ за планомъ въ головѣ...
Но жребій рушитъ эти планы...
О, не одна намъ жизнь, а двѣ
И суждены, и даны...

Жребій дѣйствительно неумолимый преслѣдовалъ и этого человѣка и не ссудилъ ему ни душевнаго спокойствія, ни обезпеченности, ни даже смерти болѣе достойной: онъ умеръ забытый своими друзьями и недавними почитателями, одинокій въ сумасшедшемъ домѣ, на рукахъ своего деньщика, единственнаго человѣка, бывшаго при немъ во все время его мучительной болѣзни. Лишь послѣ его смерти общество поняло всю серьезность его заслугъ, тогда какъ при жизни на него смотрѣли только, какъ на человѣка, способнаго развеселить и разсмѣшить.

Онъ первый изъ русскихъ художниковъ открылъ для искусства новую область, дотолѣ пренебрегаемую ими, и далъ толчокъ ему, породивъ своимъ примѣромъ массу послѣдователей въ изученіи русской жизни, русскихъ типовъ, нравовъ и обычаевъ.

До него одинъ только Венеціановъ пытался изображать эту жизнь, но такъ какъ это были только слабыя попытки, отзывавшіяся притомъ сильной дозой академической условности, а вслѣдствіе этого отсутствіемъ правды,—то конечно не Венеціанова можно считать творцомъ русскаго жанра. Ѳедотовъ безспорно имѣетъ всѣ права на такое названіе и на тотъ почетъ, который приличествуетъ ему, творцу «Сватовства», «Перваго ордена», «Горбатаго жениха», «Вдовушки» и другихъ картинъ.

Важность этихъ картинъ въ исторіи развитія русской живописи уже сознана, и только нужно удивляться тому, что до сихъ поръ нѣтъ въ русской литературѣ обстоятельнаго труда для біографіи самого художника и критической оцѣнки его художественной дѣятельности. Досаднѣе всего, что, кажется, желанію имѣть обстоятельный трудъ о личности Ѳедотова не суждено осуществиться, такъ какъ всѣ попытки (а онѣ были) разбивались о трудности отыскиванія матеріала, разбросаннаго по рукамъ многихъ лицъ, его знакомыхъ и пріятелей, которые до сихъ поръ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, не откликались на неоднократные призывы. Всѣ свѣдѣнія о немъ исчерпываются двумя-тремя воспоминаніями его пріятелей—однополчанъ, да краткими рецензіями о его картинахъ, помѣщенными въ журналахъ и газетахъ того времени. На основаніи этихъ данныхъ трудно возстановить цѣльный образъ этого удивительнаго человѣка, предшественника и учителя Перова, Пукирева, Влад. Маковскаго и другихъ изъ блестящей плеяды нашихъ художниковъ, поставившихъ русское искусство на одинъ *уровень* съ западнымъ.

Поэтому и мы ничего новаго сказать не можемъ, а ограничимся только тѣмъ случайнымъ матеріаломъ, который даютъ намъ всѣ изданныя воспоминанія о Ѳедотовѣ. Постараемся сдѣлать это наивозможно добросовѣстнѣе, давъ характеристику этого человѣка и оцѣнку художественной дѣятельности и его заслугъ передъ русскимъ обществомъ и искусствомъ.

I.

Дѣтство. — Отецъ. — Семейная обстановка. — Полная свобода и отсутствіе системы въ воспитаніи. — Въ Москвѣ. — Впечатлительность и наблюдательность ребенка. — Поступленіе въ корпусъ. — Выдающіяся способности Ѳедотова, необыкновенная его память. — Пристрастіе къ музыкѣ, пѣнію и рисованію. — Выпускъ въ офицеры л.-гв. Финляндскаго полка. — Первые шаги на художественномъ поприщѣ. — Выходъ въ отставку.

Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ родился въ Москвѣ, близъ Красныхъ Воротъ, въ приходѣ Харитонія въ Огородникахъ, въ 1816 г., отъ весьма небогатыхъ родителей. Семейство его состояло изъ старика-отца, замужней сестры съ двумя дѣвочками и другой незамужней, жившей съ отцомъ. Вотъ какъ самъ Ѳедотовъ разсказывалъ своему другу и однополчанину, Дружинину, о впечатлѣніяхъ своего дѣтства:

«Отецъ мой былъ воиномъ екатерининскихъ временъ, который рѣдко говорилъ о своихъ походахъ, но видѣлъ многое на своемъ вѣку. Разсказовъ его нельзя было слушать безъ особеннаго чувства: такъ отдаленно казалось время, къ которому они относились, такъ изумительны оказывались лица и герои, имъ упоминаемые. Женатъ онъ былъ два раза: въ первый — на плѣнной турчанкѣ, во второй — на моей матери. Большое наше семейство помѣщалось въ небольшомъ домикѣ, и жили мы очень бѣдно, но, пока отецъ могъ служить, нужды особенной мы не испытывали. Старикъ былъ очень строгъ по службѣ, и часто, когда онъ возвращался домой изъ должности, за нимъ шелъ сторожъ съ одной, а иногда съ двумя парами сапоговъ въ рукахъ. Сапоги эти, перевязанные бичевкой, кажется съ печатью около узла, принадлежали нерадивымъ или нетрезвымъ писцамъ; снятые за наказаніе, они оставались въ нашей квартирѣ до утра и потомъ уже возвращались провинившимся. Честностью

C

MAIOPA.

556.246

онъ обладалъ безмѣрною; но она, какъ у многихъ честныхъ стариковъ, перенесшихъ не мало въ жизни, облечена была въ формы суровыя, жесткія и угловатыя. Я помню, какъ одинъ разъ, замѣтивъ, что одинъ изъ его родственниковъ щеголяетъ какими-то дорогими вещами, отецъ сталъ упрекать его такъ угрюмо и рѣзко, что бѣдный обладатель небольшого сокровища заплакалъ. Я думаю, что упрекъ отца былъ неоснователенъ, осуждаю его подозрительность, а за всѣмъ тѣмъ не могу не удивляться этой неумолимой, врожденной ему, правдивости. Если-бъ я могъ разсказать вамъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла помянутая размолвка, вы-бы еще вѣрнѣе раздѣлили мои чувства.

«Зима обыкновенно проходила у насъ довольно печально; но лѣто для насъ было золотымъ временемъ года. Отдаленныя улицы Москвы и теперь еще сохраняютъ колоритъ довольно сельскій, а въ то время были то-же, что деревня. Любимымъ мѣстомъ, гдѣ можно было рѣзвиться съ другими ребятишками, былъ сѣнникъ, откуда, сверху, открывался видъ на сосѣдніе дворы, а всѣ сцены, на нихъ происходившія, оказывались передъ глазами наблюдателя, какъ на блюдечкѣ.

«Сколько могу дать себѣ отчетъ въ настоящее время, способностью находить наслажденіе въ созерцательныхъ занятіяхъ обязанъ я сѣннику, скорѣе его верхней части. Жизнь небогатаго, даже по просту бѣднаго ребенка обильна разнообразіемъ, которое почти что недоступно дитяти изъ достаточнаго семейства, развивающемуся въ тѣсномъ кругу изъ своихъ родителей, гувернантки, да двухъ-трехъ друзей дома,—особъ, по большей части благовоспитанныхъ, стало-быть, не имѣющихъ ничего особенно дѣйствующаго на дѣтскую фантазію. Возьмите теперь мое дѣтство: я всякій день видѣлъ десятки народа самаго разнохарактернаго, живописнаго и сверхъ того сближеннаго со мною. Наша многочисленная родня, какъ вы можете догадываться, состояла изъ людей простыхъ, неуглаженныхъ свѣтской жизнью; наша прислуга составляла часть семейства, болтала передо мной и являлась нараспашку; сосѣди были все люди знакомые; съ ихъ дѣтьми я сходился не на дѣтскихъ вечерахъ, а на сѣнникѣ или въ огородѣ; мы дружились, ссорились и дрались иногда, какъ намъ того хотѣлось. Представители разныхъ сословій встрѣчались на каждомъ шагу—и у тетушекъ, и у кумы отца, и у приходскаго священника, и около сѣнника, и на сосѣднихъ дворахъ.

Что вы видите на моихъ картинахъ (кромѣ офицеровъ, гвар-

дейскихъ солдатъ и нарядныхъ дамъ), было видно и даже отчасти *обсуждено* во время моего дѣтства: это я заключаю по воспоминаніямъ, такъ и по тому, что, набрасывая бо́льшую часть моихъ вещей, я почему-то представлялъ мѣсто дѣйствія непремѣнно въ Москвѣ. Бытъ московскаго купечества мнѣ несравненно знакомѣе, чѣмъ бытъ купцовъ въ Петербургѣ; рисуя фигуры добрыхъ старыхъ служителей, дядей, ключницъ и кухарокъ, я, самъ не знаю почему, переношусь мыслію въ Москву. Сила дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если позволено такъ выразиться, основной фондъ моего дарованія.»

Въ 1826 году, имѣя около 10 лѣтъ отъ роду, Ѳедотовъ поступаетъ въ Московскій Кадетскій корпусъ. По недостатку средствъ къ домашнему воспитанію, свѣдѣнія Ѳедотова были очень ограниченны, что впрочемъ, благодаря его громаднымъ способностямъ и памяти, а также любознательности, не мѣшало ему учиться хорошо, и скоро онъ становится лучшимъ воспитанникомъ въ классѣ, производится въ унтеръ-офицеры, а въ 1832 г.—въ фельдфебеля. Любимыми его науками были математика и химія, но больше всего онъ занимался, освободясь отъ уроковъ, рисованіемъ. Музыкой онъ также занимался и состоялъ въ корпусномъ хорѣ теноромъ-солистомъ. Несмотря на свои способности къ рисованію и, уже тогда вполнѣ опредѣлившуюся, наблюдательность, въ классныхъ занятіяхъ по рисованію онъ совсѣмъ не отличался и даже, какъ будто, пренебрегалъ ими лично для себя, работая исключительно для товарищей. Это не мѣшало ему однако слыть среди начальства и товарищей лучшимъ рисовальщикомъ въ корпусѣ; всѣ его тетрадки, книжки были изрисованы по полямъ головками и фигурками всѣхъ, кто только попадался ему на глаза, причемъ сходство въ большинствѣ случаевъ бывало разительное.

Память у Ѳедотова была огромная. «Если на экзаменѣ или при повтореніи уроковъ мнѣ случалось запамятовать,—говорилъ онъ самъ,—ту или другую подробность, одну или двѣ фразы, мнѣ стоило закрыть глаза на минуту—и все забытое, будто откуда-то выпрыгнувъ, явилось предо мною, какъ написанное на бумагѣ. Эта способность длилась еще нѣсколько лѣтъ послѣ моего выпуска; впослѣдствіи память стала слабѣть; въ томъ я убѣдился очень хорошо, разсказавъ моему пріятелю *** исторію, уже слышанную имъ, и слышанную отъ меня же.»

«Фантазія и воображеніе у Ѳедотова играли существенную роль при занятіяхъ и помогали ему превращать самые сухіе предметы въ рядъ заманчивыхъ сценъ и положеній. Для него исторія, какая-бы она ни была,—была рядомъ драматическихъ сценъ въ костюмахъ и съ приличной обстановкой; географія переносила его подъ чужое небо, къ чудесамъ чуждой нашему краю растительности. Слушая военныя науки, онъ присутствовалъ при движеніи войскъ, въ тяжкихъ бояхъ, осаждалъ крѣпости и выдерживалъ приступы.»

Въ числѣ прочихъ наукъ, онъ также любилъ заниматься литературой, какъ русскаго, такъ и иностранныхъ языковъ, въ особенности нѣмецкаго. Онъ переводилъ оды Елоиттона, который вмѣстѣ съ Виландомъ былъ его любимымъ поэтомъ. Эти занятія доставили ему нѣсколько разъ возможность говорить рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ на корпусныхъ актахъ. Впослѣдствіи онъ сталъ пописывать свои собственные, оригинальные стихи (объ нихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ). Вообще общая артистичность и талантливость натуры Ѳедотова выдѣляла рѣзко его среди толпы товарищей; жаль только, что въ то время возлѣ него не было человѣка, способнаго угадать эти художественныя наклонности и направить ихъ своевременно на истинную дорогу.

Благодаря своему живому, общительному и веселому нраву, Ѳедотовъ былъ общій любимецъ въ корпусѣ, и въ особенности его любили товарищи, которымъ онъ помогалъ въ занятіяхъ. Въ 1833 г. онъ кончилъ свое ученіе и, какъ первый по успѣхамъ въ наукахъ, былъ, согласно обыкновенію, записанъ на мраморную и выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ. По выпускѣ изъ корпуса, Ѳедотовъ первое время было закружился въ вихрѣ Петербургской жизни, но, нелишенный здраваго смысла, скоро понялъ, что ему съ его скудными средствами нельзя тянуться за товарищами и позволять себѣ расходы, превышающіе его бюджетъ, безъ боязни запутаться въ долгахъ, вслѣдствіе чего онъ, помирившись съ суровой дѣйствительностью, обратился къ серьезной дѣятельности. Онъ сталъ заниматься службой, а въ свободные часы любилъ читать и зачерчивать въ альбомъ видѣнное. Но это его не сдѣлало нелюдимымъ, напротивъ, онъ очень любилъ общество; а его неистощимая веселость, способность увлекательно и живо разсказывать—все это, какъ и среди корпусныхъ товарищей, скоро сдѣлало его любимцемъ полковой семьи офицеровъ. Онъ охотно знакомился съ *людьми, если эти* знакомства были ему по карману и не вводили

его въ излишнія траты; дѣлалъ онъ это изъ жажды наблюденій, такъ свойственной его артистической натурѣ, что обогащало его «основной фондъ», начатый еще на верху московскаго сѣнника. Въ особенности онъ любилъ предпринимать для этой цѣли уединенныя прогулки въ отдаленныя мѣстности столицы или же наблюдать солдатскій бытъ у себя, въ полку. Обогащая себя такимъ запасомъ наблюденій—отъ чиновника и барышни до солдата и прачки, онъ сталъ еше усерднѣе заниматься рисованьемъ, дѣлая эскизы и наброски типовъ и сценъ, имъ видѣнныхъ. Въ то-же время онъ старался учиться азбукѣ искусства, старался точно передавать прямо съ натуры виды и портреты. Для первыхъ ему служили окрестности казармъ Финляндскаго полка, а для вторыхъ онъ нашелъ сговорчивыхъ товарищей, которые терпѣливо позировали ему, находя, что «портреты, которые дѣлаетъ Ѳедотовъ, всегда похожи». Это заставило его серьезнѣе взглянуть на свое рисованіе, чему помогли также случайныя встрѣчи съ учениками Академіи Художествъ, которые посовѣтовали ему посѣщать вечерніе классы Академіи, что̀ онъ и исполнилъ сейчасъ-же и сталъ усердно посѣщать ихъ, занимаясь рисованіемъ ушей, носовъ и другихъ частей человѣческаго тѣла, т. е. начавъ изученіемъ простой азбуки искусства. Съ рѣдкимъ упорствомъ онъ просиживалъ надъ этими ушами и носами, стирая и рисуя ихъ до тѣхъ поръ, пока не оставался доволенъ правильностью рисунка; выслушивалъ замѣчанія всѣхъ безъ исключенія, отказывался отъ рисованія болѣе трудныхъ предметовъ, когда еще не чувствовалъ въ себѣ достаточно силы справиться съ ними. Въ это время онъ часто сталъ посѣщать Эрмитажъ, гдѣ въ особенности его вниманіе привлекали къ себѣ маленькія картинки голландскихъ и фламандскихъ художниковъ: Остаде, Теньера, Ж. Дау, Браувера; онъ долго вникалъ во всѣ тонкости композиціи и техники и, возвращаясь домой, съ увлеченіемъ разсказывалъ объ этомъ товарищамъ. Этотъ фактъ достоинъ вниманія, какъ показывающій то, что (хотя самъ Ѳедотовъ и смутно сознавалъ) его наклонности и инстинктъ уже тогда влекли его къ этимъ художникамъ, такъ роднымъ его артистической натурѣ, требовавшей прежде всего правды и жизненности въ картинѣ.

Не довольствуясь занятіями въ Академіи, онъ продолжалъ пополнять свой альбомъ, рисуя въ немъ сцены изъ казарменной жизни, бытъ солдатъ, карикатуры на товарищей, что̀ не мѣшало ему быть съ этими *предметами* такихъ его остроумныхъ карандашныхъ ша-

лостей въ хорошихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ. Репутація его, какъ хорошаго портретиста, скоро стала распространяться за предѣлы полка, и онъ сталъ получать заказы отъ эстампныхъ магазиновъ Даціаро, Бегрова и др. Въ особенности ему удавался хорошо портретъ В. К. Михаила Павловича, заказы на который такъ и сыпались къ нему, такъ что онъ еле-еле успѣвалъ удовлетворять ихъ. Военный бытъ, какъ наиболѣе знакомый художнику-офицеру, занималъ его въ это время больше всего, и онъ, не довольствуясь эскизами и набросками, захотѣлъ испытать себя надъ какимъ нибудь болѣе сложнымъ и болѣе законченнымъ сюжетомъ. Онъ остановился на картинѣ: «Прибытіе дворцоваго гренадера въ свою бывшую роту Финляндскаго полка». Другъ и товарищъ Ѳедотова, А. Дружининъ, въ своихъ запискахъ о немъ, чрезвычайно хвалитъ, какъ композицію, такъ и рисунокъ этой картины, которая не была доведена до окончанія только потому, что въ это время Ѳедотову представился случай начать новую, болѣе сложную, картину. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, возвратясь лѣтомъ 1837 года изъ за-границы въ Петербургъ, посѣтилъ красносельскій лагерь, гдѣ войска встрѣтили его съ необыкновенной восторженностью; это-то и дало поводъ Ѳедотову начать новую картину, которую онъ исполнилъ акварелью и въ которой помѣстилъ сверхъ портрета Великаго Князя еще портреты многихъ участвовавшихъ лицъ. По совѣту своего полкового командира, онъ представилъ эту картину Великому Князю, за что получилъ брильянтовый перстень. Вскорѣ послѣ этого онъ снова началъ новую, тоже акварельную, картину: «Освященіе знаменъ въ возобновленномъ дворцѣ», но, получивъ какую-то командировку, долженъ былъ бросить ее на половину оконченную. По окончаніи этой командировки, когда Великій Князь сдѣлалъ смотръ всему полку и такъ остался доволенъ имъ, что обѣщалъ офицерамъ полную свою поддержку, Ѳедотовъ воспользовался этимъ и черезъ полкового командира просилъ Великаго Князя о выдачѣ ему пособія на художественныя нужды. Великій Князь потребовалъ его во дворецъ съ начатой картиной, ободрилъ художника и приказалъ оставить картину у себя, сказавъ, что доложитъ обо всемъ Государю. Черезъ нѣсколько времени была получена слѣдующая резолюція: «Государь Императоръ, удостоивъ вниманія способности рисующаго офицера, Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить ему добровольно оставить службу и посвятить себя живописи, съ содержаніемъ по [illegible] *ассигн.* въ мѣсяцъ, и потребовать отъ него письменнаго [illegible] *ѣта*».

Такое рѣшеніе поставило Павла Андреевича въ большое затрудненіе: онъ еще сильно сомнѣвался въ себѣ и не былъ увѣренъ въ размѣрѣ своего таланта. Съ кѣмъ совѣтоваться? Кому довѣрить свои сомнѣнья? Долго онъ думалъ и наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что никто лучше не можетъ разрѣшить эти сомнѣнья, какъ «великій» и «геніальный» творецъ «Помпеи», К. И. Брюловъ. И вотъ, забравши съ собой лучшіе изъ своихъ рисунковъ, онъ отправляется къ Брюлову и проситъ откровенно сказать ему, стоитъ ли, судя по его набросками и эскизамъ, бросать службу и посвящать себя исключительно искусству. Брюловъ одобрилъ эти опыты, но не счелъ возможнымъ скрыть отъ Ѳедотова всю рискованность выхода въ отставку, сказавъ, что, несмотря на весь талантъ, Ѳедотову не достаетъ техники, и что она въ его годы дается чрезвычайно трудно.

Эти наставленія онъ закончилъ совѣтомъ повременить окончательнымъ рѣшеніемъ, а покамѣстъ испытать себя болѣе серьезнымъ образомъ. Обдумавъ все это, Ѳедотовъ подалъ по начальству рапортъ, въ которомъ просилъ позволенія продолжать службу съ тѣмъ, чтобы предоставленное ему Высочайше право оставить ее было сохранено за нимъ втеченіи одного или полутора года.

Съ этого времени онъ начинаетъ серьезно испытывать себя и думать о перемѣнѣ своего положенія, къ чему его приводитъ невозможность совмѣстить и службу, и занятія искусствомъ, такъ какъ въ это время служба по полку увеличилась для него, вслѣдствіе того, что онъ былъ уже назначенъ ротнымъ командиромъ, и времени для занятій искусствомъ оставалось въ его распоряженіи очень мало. Все это заставляетъ его рѣшиться на окончательный шагъ и просить его уволить въ отставку, на что въ январѣ 1844 года онъ получаетъ разрѣшеніе; снимаетъ эполеты и надѣваетъ штатское платье, сохранивъ при отставкѣ чинъ капитана гвардіи и получивъ право оставить у себя въ услуженіи своего «друга и слугу», деньщика Коршунова. Передъ выходомъ въ отставку, Ѳедотовъ, по заказу Наслѣдника Цесаревича, исполнилъ двѣ картины изъ военной жизни: «Бивакъ л.-гв. Павловскаго полка» и «Бивакъ л.-гв. Гренадерскаго полка».

П. А. Ѳедотовъ.

II.

Нѣсколько словъ о состояніи русскаго искусства до Ѳедотова.—Матеріальныя условія и жизнь его послѣ отставки.—Занятія его батальной живописью.—Письмо Крылова открываетъ Ѳедотову настоящее его призваніе.—«Утро чиновника, получившаго первый орденъ» и «Разборчивая невѣста».—Выставки въ Академіи.—Восторгъ Брюлова и покровительство Академіи.—Назначеніе программы на званіе академика.—«Сватовство маіора».—Успѣхъ этой картины среди публики.—Популярность Ѳедотова.—Стихотворное объясненіе къ этой картинѣ, написанное самимъ художникомъ. — Увлеченіе Гогартомъ и Уильки.—Значеніе Ѳедотова, какъ моралиста и нравописателя.

Прежде, чѣмъ продолжать біографію Ѳедотова, необходимо знать, въ какихъ условіяхъ находилось тогда русское искусство, какимъ идеаламъ оно служило и какими принципами руководствовалось.

Перенесенное къ намъ съ запада итальянское искусство, приспособленное главнымъ образомъ сначала у насъ для религіозныхъ цѣлей, въ видѣ, такъ называемаго, фряжскаго письма, а потомъ съ открытіемъ Академіи Художествъ (и даже раньше) служившее для изображенія военныхъ и аллегорическихъ картинъ, прославляющихъ всевозможные доблести и подвиги славнаго вѣка Екатерины и Петра, оно, понятно, не могло вліять на массы и, такъ сказать, ничего не прибавляло къ развитію ихъ, не воспитывало въ нихъ національнаго духа.

Направленное требованіями вѣка большей частью въ религіозную сторону, и притомъ—въ сторону религіозныхъ изображеній, вполнѣ непонятныхъ, какъ нѣчто отвлеченное, большинству общества, итальянское искусство привилось и поддерживалось только среди духовенства, главнымъ образомъ, и богатой знати, оставляя въ сторонѣ жизнь, бытъ, нравы и типы того народа, среди котораго оно развилось. Величайшіе мастера итальянскихъ школъ очень рѣдко и неохотно брались за сюжеты изъ современнаго имъ общественнаго строя, несмотря на то, что передъ ихъ глазами проходили величайшія событія въ жизни Италіи; мы не хотимъ этимъ умалить громадныхъ заслугъ этихъ мастеровъ передъ искусствомъ; они дали послѣдующимъ поколѣніямъ художниковъ ясное пониманіе формы, выработали эстетическіе принципы, пластику и рельефъ, однимъ словомъ, дали ту азбуку искусства, которой передъ ними

дейскихъ солдатъ и нарядныхъ дамъ), было видно и даже отчасти *обсуждено* во время моего дѣтства: это я заключаю по воспоминаніямъ, такъ и по тому, что, набрасывая бо́льшую часть моихъ вещей, я почему-то представлялъ мѣсто дѣйствія непремѣнно въ Москвѣ. Бытъ московскаго купечества мнѣ несравненно знакомѣе, чѣмъ бытъ купцовъ въ Петербургѣ; рисуя фигуры добрыхъ старыхъ служителей, дядей, ключницъ и кухарокъ, я, самъ не знаю почему, переношусь мыслію въ Москву. Сила дѣтскихъ впечатлѣній, запасъ наблюденій, сдѣланныхъ мною при самомъ началѣ моей жизни, составляютъ, если позволено такъ выразиться, основной фондъ моего дарованія.»

Въ 1826 году, имѣя около 10 лѣтъ отъ роду, Ѳедотовъ поступаетъ въ Московскій Кадетскій корпусъ. По недостатку средствъ къ домашнему воспитанію, свѣдѣнія Ѳедотова были очень ограниченны, что впрочемъ, благодаря его громаднымъ способностямъ и памяти, а также любознательности, не мѣшало ему учиться хорошо, и скоро онъ становится лучшимъ воспитанникомъ въ классѣ, производится въ унтеръ-офицеры, а въ 1832 г.—въ фельдфебеля. Любимыми его науками были математика и химія, но больше всего онъ занимался, освободясь отъ уроковъ, рисованіемъ. Музыкой онъ также занимался и состоялъ въ корпусномъ хорѣ теноромъ-солистомъ. Несмотря на свои способности къ рисованію и, уже тогда вполнѣ опредѣлившуюся, наблюдательность, въ классныхъ занятіяхъ по рисованію онъ совсѣмъ не отличался и даже, какъ будто, пренебрегалъ ими лично для себя, работая исключительно для товарищей. Это не мѣшало ему однако слыть среди начальства и товарищей лучшимъ рисовальщикомъ въ корпусѣ; всѣ его тетрадки, книжки были изрисованы по полямъ головками и фигурками всѣхъ, кто только попадался ему на глаза, причемъ сходство въ большинствѣ случаевъ бывало разительное.

Память у Ѳедотова была огромная. «Если на экзаменѣ или при повтореніи уроковъ мнѣ случалось запамятовать,—говорилъ онъ самъ,—ту или другую подробность, одну или двѣ фразы, мнѣ стоило закрыть глаза на минуту—и все забытое, будто откуда-то выпрыгнувъ, явилось предо мною, какъ написанное на бумагѣ. Эта способность длилась еще нѣсколько лѣтъ послѣ моего выпуска; впослѣдствіи память стала слабѣть; въ томъ я убѣдился очень хорошо, разсказавъ моему пріятелю * * * исторію, уже слышанную имъ, и слышанную отъ меня же.»

никто не зналъ, и которою мы теперь пользуемся и изучаемъ, как необходимое подспорье. Но не нужно забывать, что въ дѣлѣ искус ства это еще не цѣль, а скорѣе средство для развитія и процвѣ танія его.

Молодое русское искусство, питаясь исключительно итальянским образцами, не могло долгое время выбиться на самостоятельную до рогу и принять свое характерное обличіе, отличающее его отъ ис кусства другихъ націй. Оно жило интересами высшихъ сферъ, инте ресами государственныхъ соображеній, сюжетами военныхъ ге ройствъ, и если спускалось до изображенія повседневной жизни то изображало ее такъ, что русскаго тамъ были только одни ко стюмы и внѣшняя обстановка, а внутреннее дѣйствіе, характер дѣйствующихъ лицъ былъ настолько же русскій, насколько французскій, нѣмецкій, китайскій, или какой угодно; оно изобра жало вообще людей, безъ характерныхъ признаковъ принадлеж ности къ какой нибудь націи, что́ и не давало ему того обличія которое оно пріобрѣло, только благодаря появленію Ѳедотова и ег наблюдательности, а главнымъ образомъ—его правдивости.

Чѣмъ болѣе развивается общественное сознаніе, тѣмъ болѣ констатируется въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ поворотъ къ народ нымъ, національнымъ формамъ. Черты народнаго характера, особен ности сословныхъ различій, самые предразсудки, повѣрья, обычаи привычки, забавы, все, на что̀ до того не обращалось вниманія, пе ребирается до малѣйшихъ подробностей, сличается съ однородным фактами разныхъ мѣстностей и подвергается безпощадному анализу Явленія прошедшей жизни, освѣщенныя лучемъ исторической кри тики, тѣмъ самымъ получаютъ болѣе вѣрный колоритъ. Если в настоящее время у насъ есть наше искусство съ русскимъ взгля домъ на явленія русской жизни—то такимъ взглядомъ, вполнѣ здо ровымъ и правильнымъ, мы обязаны Ѳедотову. До него мы бук вально затрудняемся назвать какую-нибудь попытку въ таком родѣ—сколько-нибудь серьезнымъ изученіемъ русскаго быта и рус скихъ типовъ. Правда, были попытки, даже со стороны самой Ака деміи, создать что-то вродѣ русскаго жанра, но всѣ онѣ были д того слабы, до того отзывались условностью и холоднымъ, заучен нымъ отношеніемъ, что не могутъ идти въ разсчетъ. Орловскій с его пляшущими мужичками, Акимовъ и Лупаниновъ съ ихъ рал никами, уходящими на войну,—все это было далеко до настояще правды и пониманія цѣлей русскаго искусства. Венеціановъ мож

еще приниматься въ разсчетъ, какъ довольно крупная величина въ исторіи развитія русскаго искусства, но ему не хватало наблюдательности, и въ его лучшей картинѣ «Причащеніе умирающей» мы сталкиваемся съ такими бросающимися въ глаза несуразностями, которыя трудно понять. Рядомъ съ прекрасно написанными, живыми типами дьячка и священника—мы видимъ полную условность и академичность въ композиціи, въ фигурахъ и въ выраженіяхъ, какъ самой умирающей, такъ и въ окружающей ея толпѣ крестьянъ-родственниковъ. Венеціановъ былъ мелкій помѣщикъ, и теперь странно кажется, что ему не было доступно пониманіе русскаго быта, хотя, по своимъ помѣщичьимъ отношеніямъ, онъ могъ-бы развить въ себѣ и наблюдательность, и знаніе. Недостатокъ ея, несмотря даже на умную композицію и выборъ сюжетовъ, убиваетъ все значеніе этого художника, и за нимъ остается одна только слава—развитой техники, въ которой трудно, да и невозможно, отыскать душу и сердце художника, его субъективное отношеніе къ выбранной задачѣ. Все гладко, прилично, ничто не бьетъ глазъ, красиво даже, но... нѣтъ ни правды, нѣтъ согрѣвающаго чувства и вообще ложно, какъ въ самой живописи, такъ и въ отношеніи къ сюжету!

Въ это-то время и появляется на горизонтѣ русскаго искусства П. А. Ѳедотовъ и, поддержанный такими корифеями, какъ Брюловъ и Крыловъ, начинаетъ свою художественную карьеру, обратившись исключительно въ сторону изученія и наблюденія русскаго быта.

* * *

Итакъ, для Ѳедотова началась новая жизнь, съ новыми задачами и цѣлями. Онъ не обманывалъ себя, что эти задачи очень трудны, что цѣль, къ которой онъ стремится, еще слишкомъ отдалена. Но онъ зналъ, что онъ долженъ работать, не боялся этой работы, и потому вѣрилъ, что цѣль будетъ достигнута, несмотря на много препятствій.

Съ выходомъ въ отставку, Ѳедотовъ долженъ былъ довольствоваться скромнымъ содержаніемъ, назначеннымъ ему Государемъ, и изъ этой суммы, въ которую входили также расходы по содержанію его семьи въ Москвѣ, онъ долженъ былъ расходовать на свою жизнь и на художественныя работы и матеріалы. Маленькіе заказы, которые онъ имѣлъ, мало помогали ему въ этомъ отношеніи. Онъ занялъ *большую, изъ двухъ* комнатъ, квартиру,—въ одной онъ устроилъ

Капиталисты.

— Да пошли же за свѣчею!

— Да пошли ты—ты въ выигрышѣ.

— Пошли ты—я тебѣ сотру пятьдесятъ тысячъ!

лостей въ хорошихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ. Репутація его, какъ хорошаго портретиста, скоро стала распространяться за предѣлы полка, и онъ сталъ получать заказы отъ эстампныхъ магазиновъ Даціаро, Бегрова и др. Въ особенности ему удавался хорошо портретъ В. К. Михаила Павловича, заказы на который такъ и сыпались къ нему, такъ что онъ еле-еле успѣвалъ удовлетворять ихъ. Военный бытъ, какъ наиболѣе знакомый художнику-офицеру, занималъ его въ это время больше всего, и онъ, не довольствуясь эскизами и набросками, захотѣлъ испытать себя надъ какимъ нибудь болѣе сложнымъ и болѣе законченнымъ сюжетомъ. Онъ остановился на картинѣ: «Прибытіе дворцоваго гренадера въ свою бывшую роту Финляндскаго полка». Другъ и товарищъ Ѳедотова, А. Дружининъ, въ своихъ запискахъ о немъ, чрезвычайно хвалитъ, какъ композицію, такъ и рисунокъ этой картины, которая не была доведена до окончанія только потому, что въ это время Ѳедотову представился случай начать новую, болѣе сложную, картину. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, возвратясь лѣтомъ 1837 года изъ за-границы въ Петербургъ, посѣтилъ красносельскій лагерь, гдѣ войска встрѣтили его съ необыкновенной восторженностью; это-то и дало поводъ Ѳедотову начать новую картину, которую онъ исполнилъ акварелью и въ которой помѣстилъ сверхъ портрета Великаго Князя еще портреты многихъ участвовавшихъ лицъ. По совѣту своего полкового командира, онъ представилъ эту картину Великому Князю, за что получилъ брильянтовый перстень. Вскорѣ послѣ этого онъ снова началъ новую, тоже акварельную, картину: «Освященіе знаменъ въ возобновленномъ дворцѣ», но, получивъ какую-то командировку, долженъ былъ бросить ее на половину оконченную. По окончаніи этой командировки, когда Великій Князь сдѣлалъ смотръ всему полку и такъ остался доволенъ имъ, что обѣщалъ офицерамъ полную свою поддержку, Ѳедотовъ воспользовался этимъ и черезъ полкового командира просилъ Великаго Князя о выдачѣ ему пособія на художественныя нужды. Великій Князь потребовалъ его во дворецъ съ начатой картиной, ободрилъ художника и приказалъ оставить картину у себя, сказавъ, что доложитъ обо всемъ Государю. Черезъ нѣсколько времени была получена слѣдующая резолюція: «Государь Императоръ, удостоивъ вниманія способности рисующаго офицера, Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить ему добровольно оставить службу и посвятить себя живописи, съ содержаніемъ по *100 руб. ассигн.* въ мѣсяцъ, и потребовать отъ него письменнаго *на это отвѣта*».

Такое рѣшеніе поставило Павла Андреевича въ большое затрудненіе: онъ еще сильно сомнѣвался въ себѣ и не былъ увѣренъ въ размѣрѣ своего таланта. Съ кѣмъ совѣтоваться? Кому довѣрить свои сомнѣнья? Долго онъ думалъ и наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что никто лучше не можетъ разрѣшить эти сомнѣнья, какъ «великій» и «геніальный» творецъ «Помпеи», К. И. Брюловъ. И вотъ, забравши съ собой лучшіе изъ своихъ рисунковъ, онъ отправляется къ Брюлову и проситъ откровенно сказать ему, стоитъ ли, судя по его наброскамъ и эскизамъ, бросать службу и посвящать себя исключительно искусству. Брюловъ одобрилъ эти опыты, но не счелъ возможнымъ скрыть отъ Ѳедотова всю рискованность выхода въ отставку, сказавъ, что, несмотря на весь талантъ, Ѳедотову не достаетъ техники, и что она въ его годы дается чрезвычайно трудно.

Эти наставленія онъ закончилъ совѣтомъ повременить окончательнымъ рѣшеніемъ, а покамѣстъ испытать себя болѣе серьезнымъ образомъ. Обдумавъ все это, Ѳедотовъ подалъ по начальству рапортъ, въ которомъ просилъ позволенія продолжать службу съ тѣмъ, чтобы предоставленное ему Высочайше право оставить ее было сохранено за нимъ втеченіи одного или полутора года.

Съ этого времени онъ начинаетъ серьезно испытывать себя и думать о перемѣнѣ своего положенія, къ чему его приводитъ невозможность совмѣстить и службу, и занятія искусствомъ, такъ какъ въ это время служба по полку увеличилась для него, вслѣдствіе того, что онъ былъ уже назначенъ ротнымъ командиромъ, и времени для занятій искусствомъ оставалось въ его распоряженіи очень мало. Все это заставляетъ его рѣшиться на окончательный шагъ и просить его уволить въ отставку, на что въ январѣ 1844 года онъ получаетъ разрѣшеніе; снимаетъ эполеты и надѣваетъ штатское платье, сохранивъ при отставкѣ чинъ капитана гвардіи и получивъ право оставить у себя въ услуженіи своего «друга и слугу», деньщика Коршунова. Передъ выходомъ въ отставку, Ѳедотовъ, по заказу Наслѣдника Цесаревича, исполнилъ двѣ картины изъ военной жизни: «Бивакъ л.-гв. Павловскаго полка» и «Бивакъ л.-гв. Гренадерскаго полка».

Центральная Библиотека Спб. Пушкинскаго Дома 2

Такое рѣшеніе поставило Павла Андреевича въ большое затрудненіе: онъ еще сильно сомнѣвался въ себѣ и не былъ увѣренъ въ размѣрѣ своего таланта. Съ кѣмъ совѣтоваться? Кому довѣрить свои сомнѣнья? Долго онъ думалъ и наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что никто лучше не можетъ разрѣшить эти сомнѣнья, какъ «великій» и «геніальный» творецъ «Помпеи», К. И. Брюловъ. И отъ, забравши съ собой лучшіе изъ своихъ рисунковъ, онъ отправляется къ Брюлову и проситъ откровенно сказать ему, стоитъ ли, судя по его набросками и эскизамъ, бросать службу и посвящать себя исключительно искусству. Брюловъ одобрилъ эти опыты, но не счелъ возможнымъ скрыть отъ Ѳедотова всю рискованность выхода въ отставку, сказавъ, что, несмотря на весь талантъ, Ѳедотову не достаетъ техники, и что она въ его годы дается чрезвычайно трудно.

Эти наставленія онъ закончилъ совѣтомъ повременить окончательнымъ рѣшеніемъ, а покамѣстъ испытать себя болѣе серьезнымъ образомъ. Обдумавъ все это, Ѳедотовъ подалъ по начальству рапортъ, въ которомъ просилъ позволенія продолжать службу съ тѣмъ, чтобы предоставленное ему Высочайше право оставить ее было сохранено за нимъ втеченіи одного или полутора года.

Съ этого времени онъ начинаетъ серьезно испытывать себя и думать о перемѣнѣ своего положенія, къ чему его приводитъ невозможность совмѣстить и службу, и занятія искусствомъ, такъ какъ въ это время служба по полку увеличилась для него, вслѣдствіе того, что онъ былъ уже назначенъ ротнымъ командиромъ, и времени для занятій искусствомъ оставалось въ его распоряженіи очень мало. Все это заставляетъ его рѣшиться на окончательный шагъ и просить его уволить въ отставку, на что въ январѣ 1844 года онъ получаетъ разрѣшеніе; снимаетъ эполеты и надѣваетъ штатское платье, сохранивъ при отставкѣ чинъ капитана гвардіи и получивъ право оставить у себя въ услуженіи своего «друга и слугу», деньщика Коршунова. Передъ выходомъ въ отставку, Ѳедотовъ, по заказу Наслѣдника Цесаревича, исполнилъ двѣ картины изъ военной жизни: «Бивакъ л.-гв. Павловскаго полка» и «Бивакъ л.-гв. Гренадерскаго полка».

П. А. Ѳедотовъ.

II.

Нѣсколько словъ о состояніи русскаго искусства до Ѳедотова.—Матеріальныя условія и жизнь его послѣ отставки.—Занятія его батальной живописью.—Письмо Крылова открываетъ Ѳедотову настоящее его призваніе.—«Утро чиновника, получившаго первый орденъ» и «Разборчивая невѣста».—Выставка въ Академіи.—Восторгъ Брюлова и покровительство Академіи.—Назначеніе программы на званіе академика.—«Сватовство маіора».—Успѣхъ этой картины среди публики.—Популярность Ѳедотова.—Стихотворное объясненіе къ этой картинѣ, написанное самимъ художникомъ. — Увлеченіе Гогартомъ и Уильки.—Значеніе Ѳедотова, какъ моралиста и нравописателя.

Прежде, чѣмъ продолжать біографію Ѳедотова, необходимо знать, въ какихъ условіяхъ находилось тогда русское искусство, какимъ идеаламъ оно служило и какими принципами руководствовалось.

Перенесенное къ намъ съ запада итальянское искусство, приспособленное главнымъ образомъ сначала у насъ для религіозныхъ цѣлей, въ видѣ, такъ называемаго, фряжскаго письма, а потомъ съ открытіемъ Академіи Художествъ (и даже раньше) служившее для изображенія военныхъ и аллегорическихъ картинъ, прославляющихъ всевозможные доблести и подвиги славнаго вѣка Екатерины и Петра, оно, понятно, не могло вліять на массы и, такъ сказать, ничего не прибавляло къ развитію ихъ, не воспитывало въ нихъ національнаго духа.

Направленное требованіями вѣка большей частью въ религіозную сторону, и притомъ—въ сторону религіозныхъ изображеній, вполнѣ непонятныхъ, какъ нѣчто отвлеченное, большинству общества, итальянское искусство привилось и поддерживалось только среди духовенства, главнымъ образомъ, и богатой знати, оставляя въ сторонѣ жизнь, бытъ, нравы и типы того народа, среди котораго оно развилось. Величайшіе мастера итальянскихъ школъ очень рѣдко и неохотно брались за сюжеты изъ современнаго имъ общественнаго строя, несмотря на то, что передъ ихъ глазами проходили величайшія событія въ жизни Италіи; мы не хотимъ этимъ умалить громадныхъ заслугъ этихъ мастеровъ передъ искусствомъ; они дали послѣдующимъ поколѣніямъ художниковъ ясное пониманіе формы, выработали эстетическіе принципы, пластику и рельефъ, однимъ словомъ, дали ту азбуку искусства, которой передъ ними

никто не зналъ, и которою мы теперь пользуемся и изучаемъ, какъ необходимое подспорье. Но не нужно забывать, что въ дѣлѣ искусства это еще не цѣль, а скорѣе средство для развитія и процвѣтанія его.

Молодое русское искусство, питаясь исключительно итальянскими образцами, не могло долгое время выбиться на самостоятельную дорогу и принять свое характерное обличіе, отличающее его отъ искусства другихъ націй. Оно жило интересами высшихъ сферъ, интересами государственныхъ соображеній, сюжетами военныхъ геройствъ, и если спускалось до изображенія повседневной жизни, то изображало ее такъ, что русскаго тамъ были только одни костюмы и внѣшняя обстановка, а внутреннее дѣйствіе, характеръ дѣйствующихъ лицъ былъ настолько же русскій, насколько и французскій, нѣмецкій, китайскій, или какой угодно; оно изображало вообще людей, безъ характерныхъ признаковъ принадлежности къ какой нибудь націи, что́ и не давало ему того обличія, которое оно пріобрѣло, только благодаря появленію Ѳедотова и его наблюдательности, а главнымъ образомъ—его правдивости.

Чѣмъ болѣе развивается общественное сознаніе, тѣмъ болѣе констатируется въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ поворотъ къ народнымъ, національнымъ формамъ. Черты народнаго характера, особенности сословныхъ различій, самые предразсудки, повѣрья, обычаи, привычки, забавы, все, на что́ до того не обращалось вниманія, перебирается до малѣйшихъ подробностей, сличается съ однородными фактами разныхъ мѣстностей и подвергается безпощадному анализу. Явленія прошедшей жизни, освѣщенныя лучемъ исторической критики, тѣмъ самымъ получаютъ болѣе вѣрный колоритъ. Если въ настоящее время у насъ есть наше искусство съ русскимъ взглядомъ на явленія русской жизни—то такимъ взглядомъ, вполнѣ здоровымъ и правильнымъ, мы обязаны Ѳедотову. До него мы буквально затрудняемся назвать какую-нибудь попытку въ такомъ родѣ—сколько-нибудь серьезнымъ изученіемъ русскаго быта и русскихъ типовъ. Правда, были попытки, даже со стороны самой Академіи, создать что-то вродѣ русскаго жанра, но всѣ онѣ были до того слабы, до того отзывались условностью и холоднымъ, заученнымъ отношеніемъ, что не могутъ идти въ разсчетъ. Орловскій съ его пляшущими мужичками, Акимовъ и Лупаниновъ съ ихъ ратниками, уходящими на войну,—все это было далеко до настоящей правды и *пониманія* цѣлей русскаго искусства. Венеціановъ можетъ

) не зналъ, и которою мы теперь пользуемся и изучаемъ, какъ
ходимое подспорье. Но не нужно забывать, что въ дѣлѣ искус-
это еще не цѣль, а скорѣе средство для развитія и процвѣ-
его.

олодое русское искусство, питаясь исключительно итальянскими
цами, не могло долгое время выбиться на самостоятельную до-
и принять свое характерное обличіе, отличающее его отъ ис-
ства другихъ націй. Оно жило интересами высшихъ сферъ, инте-
ии государственныхъ соображеній, сюжетами военныхъ ге-
ствъ, и если спускалось до изображенія повседневной жизни,
ображало ее такъ, что русскаго тамъ были только одни ко-
ы и внѣшняя обстановка, а внутреннее дѣйствіе, характеръ
ствующихъ лицъ былъ настолько же русскій, насколько и
цузскій, нѣмецкій, китайскій, или какой угодно; оно изобра-
вообще людей, безъ характерныхъ признаковъ принадлеж-
ı къ какой нибудь націи, что̀ и не давало ему того обличія,
рое оно пріобрѣло, только благодаря появленію Ѳедотова и его
юдательности, а главнымъ образомъ—его правдивости.

Чѣмъ болѣе развивается общественное сознаніе, тѣмъ болѣе
гатируется въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ поворотъ къ народ-
ь, національнымъ формамъ. Черты народнаго характера, особен-
и сословныхъ различій, самые предразсудки, повѣрья, обычаи,
ычки, забавы, все, на что̀ до того не обращалось вниманія, пе-
рается до малѣйшихъ подробностей, сличается съ однородными
ами разныхъ мѣстностей и подвергается безпощадному анализу.
нія прошедшей жизни, освѣщенныя лучемъ исторической кри-
, тѣмъ самымъ получаютъ болѣе вѣрный колоритъ. Если въ
ящее время у насъ есть наше искусство съ русскимъ взгля-
на явленія русской жизни—то такимъ взглядомъ, вполнѣ здо-
мъ и правильнымъ, мы обязаны Ѳедотову. До него мы бук-
но затрудняемся назвать какую-нибудь попытку въ такомъ
—сколько-нибудь серьезнымъ изученіемъ русскаго быта и рус-
ъ типовъ. Правда, были попытки, даже со стороны самой Ака-
ı, создать что-то вродѣ русскаго жанра, но всѣ онѣ были до
слабы, до того отзывались условностью и холоднымъ, заучен-
ь отношеніемъ, что не могутъ идти въ разсчетъ. Орловскій съ
ляшущими мужичками, Акимовъ и Лупаниновъ съ ихъ рат-
ми, уходящими на войну,—все это было далеко до настоящей
ды и пониманія цѣлей русскаго искусства. Венеціановъ можетъ

еще приниматься въ разсчетъ, какъ довольно крупная величина въ исторіи развитія русскаго искусства, но ему не хватало наблюдательности, и въ его лучшей картинѣ «Причащеніе умирающей» мы сталкиваемся съ такими бросающимися въ глаза несуразностями, которыя трудно понять. Рядомъ съ прекрасно написанными, живыми типами дьячка и священника—мы видимъ полную условность и академичность въ композиціи, въ фигурахъ и въ выраженіяхъ, какъ самой умирающей, такъ и въ окружающей ея толпѣ крестьянъ-родственниковъ. Венеціановъ былъ мелкій помѣщикъ, и теперь странно кажется, что ему не было доступно пониманіе русскаго быта, хотя, по своимъ помѣщичьимъ отношеніямъ, онъ могъ-бы развить въ себѣ и наблюдательность, и знаніе. Недостатокъ ея, несмотря даже на умную композицію и выборъ сюжетовъ, убиваетъ все значеніе этого художника, и за нимъ остается одна только слава—развитой техники, въ которой трудно, да и невозможно, отыскать душу и сердце художника, его субъективное отношеніе къ выбранной задачѣ. Все гладко, прилично, ничто не бьетъ глазъ, красиво даже, но... нѣтъ ни правды, нѣтъ согрѣвающаго чувства и вообще ложно, какъ въ самой живописи, такъ и въ отношеніи къ сюжету!

Въ это-то время и появляется на горизонтѣ русскаго искусства П. А. Ѳедотовъ и, поддержанный такими корифеями, какъ Брюловъ и Крыловъ, начинаетъ свою художественную карьеру, обратившись исключительно въ сторону изученія и наблюденія русскаго быта.

* * *

Итакъ, для Ѳедотова началась новая жизнь, съ новыми задачами и цѣлями. Онъ не обманывалъ себя, что эти задачи очень трудны, что цѣль, къ которой онъ стремится, еще слишкомъ отдалена. Но онъ зналъ, что онъ долженъ работать, не боялся этой работы, и потому вѣрилъ, что цѣль будетъ достигнута, несмотря на много препятствій.

Съ выходомъ въ отставку, Ѳедотовъ долженъ былъ довольствоваться скромнымъ содержаніемъ, назначеннымъ ему Государемъ, и изъ этой суммы, въ которую входили также расходы по содержанію его семьи въ Москвѣ, онъ долженъ былъ расходовать на свою жизнь и на художественныя работы и матеріалы. Маленькіе заказы, которые онъ имѣлъ, мало помогали ему въ этомъ отношеніи. Онъ занялъ *небольшую, изъ двухъ* комнатъ, квартиру,—въ одной онъ устроилъ

себѣ и мастерскую, и спальню, въ другой помѣстилъ своего вѣрнаго Коршунова. Обѣдалъ онъ за пятнадцать копѣекъ въ кухмистерской, одѣвался болѣе чѣмъ скромно. Въ первое время онъ долго не могъ рѣшиться избрать себѣ какой-нибудь родъ живописи; инстинктъ и врожденная симпатія къ сатирѣ и жанру влекли его на эту дорогу, но съ другой стороны требованія жизни и увеличивающаяся нужда большого семейства въ Москвѣ толкали его въ сторону батальной живописи, которая въ то время сильно поощрялась. Послѣднее соображеніе сначала было одержало верхъ, и онъ сталъ посѣщать классы батальной живописи профессора Зауервейда, гдѣ сталъ изучать анатомію и движенія лошади. Къ этому времени относятся его рисунки акварелью: «Французскіе мародеры въ деревнѣ», «Вечернія увеселенія въ казармахъ», «Казарменная жизнь» и много другихъ. Но, занимаясь военными сценами, онъ въ то-же время не бросалъ своихъ попытокъ, рисуя сцены и типы нравственно-сатирическіе. Нѣсколько такихъ рисунковъ попались на глаза нашему знаменитому Крылову, и старикъ, со свойственной ему прозорливостью, сразу угадалъ призваніе Ѳедотова, написавъ ему письмо, въ которомъ просилъ его развивать въ себѣ именно эту наблюдательность и симпатію къ воспроизведенію будничныхъ сценъ.

Это письмо подѣйствовало на Ѳедотова и раскрыло ему глаза на его настоящее призваніе. Въ головѣ быстро созрѣло нѣсколько сюжетовъ, и, засѣвъ за работу, онъ черезъ девять мѣсяцевъ кончилъ свою первую картину «Утро чиновника, получившаго первый орденъ». Черезъ нѣсколько времени онъ кончилъ и вторую—«Разборчивая невѣста». Обѣ эти картины онъ представилъ на судъ Академіи и со страхомъ ждалъ ея рѣшенія. Страхъ этотъ былъ вполнѣ основательный, такъ какъ не нужно забывать, что съ выходомъ въ отставку Ѳедотовъ сжегъ свои корабли, а неизвѣстность будущаго и крайне тяжелое положеніе настоящаго сильно его тревожили и волновали. Поэтому радости его не было границъ, когда однажды, черезъ нѣсколько дней послѣ представленія картинъ въ Академію, вѣрный Личачда, Коршуновъ, доложилъ ему, что его спрашиваетъ ученикъ Академіи, Баскаковъ, отъ имени Карла Павловича Брюлова, который желаетъ его видѣть. Понятно, что Ѳедотовъ тотчасъ собрался къ Брюлову. Брюловъ принялъ его съ распростертыми объятіями, громогласно призналъ въ немъ несомнѣнное огромное дарованіе, а за нимъ—тоже и весь синклитъ профессоровъ Академіи. Для *кого-либо другого* такія похвалы могли-бы оказать вредную услугу.

себѣ и мастерскую, и спальню, въ другой помѣстилъ своего вѣрнаго Коршунова. Обѣдалъ онъ за пятнадцать копѣекъ въ кухмистерской, одѣвался болѣе чѣмъ скромно. Въ первое время онъ долго не могъ рѣшиться избрать себѣ какой-нибудь родъ живописи; инстинктъ и врожденная симпатія къ сатирѣ и жанру влекли его на эту дорогу, но съ другой стороны требованія жизни и увеличивающаяся нужда большого семейства въ Москвѣ толкали его въ сторону батальной живописи, которая въ то время сильно поощрялась. Послѣднее соображеніе сначала было одержало верхъ, и онъ сталъ посѣщать классы батальной живописи профессора Зауервейда, гдѣ сталъ изучать анатомію и движенія лошади. Къ этому времени относятся его рисунки акварелью: «Французскіе мародеры въ деревнѣ», «Вечернія увеселенія въ казармахъ», «Казарменная жизнь» и много другихъ. Но, занимаясь военными сценами, онъ въ то-же время не бросалъ своихъ попытокъ, рисуя сцены и типы нравственно-сатирическіе. Нѣсколько такихъ рисунковъ попались на глаза нашему знаменитому Крылову, и старикъ, со свойственной ему прозорливостью, сразу угадалъ призваніе Ѳедотова, написавъ ему письмо, въ которомъ просилъ его развивать въ себѣ именно эту наблюдательность и симпатію къ воспроизведенію будничныхъ сценъ.

Это письмо подѣйствовало на Ѳедотова и раскрыло ему глаза на его настоящее призваніе. Въ головѣ быстро созрѣло нѣсколько сюжетовъ, и, засѣвъ за работу, онъ черезъ девять мѣсяцевъ кончилъ свою первую картину «Утро чиновника, получившаго первый орденъ». Черезъ нѣсколько времени онъ кончилъ и вторую—«Разборчивая невѣста». Обѣ эти картины онъ представилъ на судъ Академіи и со страхомъ ждалъ ея рѣшенія. Страхъ этотъ былъ вполнѣ основательный, такъ какъ не нужно забывать, что съ выходомъ въ отставку Ѳедотовъ сжегъ свои корабли, а неизвѣстность будущаго и крайне тяжелое положеніе настоящаго сильно его тревожили и волновали. Поэтому радости его не было границъ, когда однажды, черезъ нѣсколько дней послѣ представленія картинъ въ Академію, вѣрный Личачда, Коршуновъ, доложилъ ему, что его спрашиваетъ ученикъ Академіи, Баскаковъ, отъ имени Карла Павловича Брюлова, который желаетъ его видѣть. Понятно, что Ѳедотовъ тотчасъ собрался къ Брюлову. Брюловъ принялъ его съ распростертыми объятіями, громогласно призналъ въ немъ несомнѣнное огромное дарованіе, а за нимъ—тоже и весь синклитъ профессоровъ Академіи. Для кого-*либо другого такія* похвалы могли-бы оказать вредную услугу,

беннымъ достоинствомъ по формѣ, но зато веселость и сатира въ нихъ били ключемъ:

Честные господа,
Пожалуйте сюда;
Милости просимъ,
Денегъ не спросимъ.
Даромъ смотри!
Только хорошенько очи протри.
Начинается,
Починается,
О томъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ,
Какъ иные на чужой счетъ жуютъ!
Сами работать лѣнятся
Такъ на богатыхъ женятся...

Послѣ такого предисловія Ѳедотовъ описываетъ купеческій домъ, «всего вдоволь въ немъ», и затѣмъ переходитъ къ самому хозяину-купцу, котораго «взманила, вишь, честь, не хочу, молъ, зятей съ бородами, какъ заслуженный зять, ужъ не та будетъ знать, мнѣ по крайности дай хоть маіора»... И вотъ такой маіоръ находится. Панкратьевна-сваха — «безсовѣстная привираха» — отыскиваетъ жениха и привозитъ его въ домъ, къ купцу. Въ домѣ начинается содомъ, всѣ спѣшатъ на встрѣчу, купецъ не можетъ сладить съ сюртукомъ, пыхтитъ и отдувается, а наша невѣста «не найдетъ сдуру мѣста»,

„Мужчина чужой!
—Ой, стыдъ-то какой!
Никогда я съ ними еще не бывала!...
Гость заводитъ, чай, рѣчь;
Ай, ай, ай, срамъ какой!
А тутъ нечѣмъ скрыть плечъ...“

и вотъ наша невѣста рѣшается убѣжать къ себѣ, въ свѣтелку, но не тутъ то было... умная мать

За платье хвать.
А вотъ извольте посмотрѣть,
Какъ въ другой горницѣ
Грозитъ новая картина горлицѣ.
Какъ женихъ толстый, бравый,
Крутитъ свой усъ:
Я, дескать, до денежекъ доберусь!

но для Ѳедотова онѣ были лучшимъ толчкомъ къ еще болѣе усиленной работѣ.

Послѣ вторичнаго посѣщенія Брюлова, Ѳедотовъ остановился на сюжетѣ «Сватовство маіора» или «Пріѣздъ жениха». Совѣтъ Академіи, по представленію Брюлова, рѣшилъ, что этотъ сюжетъ долженъ быть исполненъ Ѳедотовымъ для полученія степени академика, и, зная, что нашъ художникъ сильно стѣсненъ матеріальными средствами, ходатайствовалъ передъ президентомъ Академіи о выдачѣ Ѳедотову семисотъ рублей ассигнаціями для исполненія этой картины.

Чтобы понять, до какой степени этотъ трудъ былъ великъ, нужно было знать необыкновенную добросовѣстность Ѳедотова и его глубокое отвращеніе къ рисовкѣ предметовъ изъ головы, т. е. безъ натуры передъ глазами.

Ѳедотовъ принялся разыскивать эту натуру. Ему нужны были и комната, и дѣйствующія лица, и аксессуары, и вотъ онъ, занятый отыскиваніемъ всего этого, съ утра до ночи расхаживалъ по Петербургу, знакомился съ купцами, ходилъ къ нимъ въ гости, присматривался, списывалъ и срисовывалъ все, что только подходило къ его картинѣ. Но главная трудность заключалась въ томъ, чтобы достать подходящій типъ старика-купца. Долго не удавалось это Ѳедотову, пока наконецъ ему не удалось встрѣтиться съ подходящимъ типомъ и уломать позировать ему.

Старухъ, горничныхъ и сидѣльцевъ онъ разыскивалъ на Толкучемъ и Андреевскомъ рынкахъ; знакомый офицеръ терпѣливо стоялъ ему въ позѣ браваго маіора, однимъ словомъ, въ этой картинѣ все, до послѣдней мелочи, до разноцвѣтныхъ стеклушекъ на люстрѣ, до пирога и бутылки шампанскаго на подносѣ, все было предметомъ серьезнаго изученія.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что публика, воспитанная совсѣмъ на другихъ образцахъ, пришла въ полный восторгъ отъ такой правдивости въ передачѣ этихъ подробностей; но главнымъ образомъ ее подкупило то общее настроеніе, съ сильной дозой сатиры, которое было разлито во всей картинѣ. Она до такой степени вѣрно передавала подробности и общій смыслъ сцены пріѣзда жениха-маіора въ купеческій домъ, что оставляла глубокое впечатлѣніе у зрителей. Этому способствовало еще и то, что Ѳедотовъ иногда на выставкѣ, подражая раешнику, объяснялъ самъ сюжетъ картины, *читая стихи собственнаго* издѣлія. Эти стихи не отличались осо-

Затѣмъ онъ объясняетъ причину этого:

Отецъ, судьба и мать
Заставили меня маршировать

и что онъ «спокойно десять лѣтъ»

Былъ занятъ службой гарнизонной.
Вотъ доводъ, кажется, резонный,
Что не могу я быть поэтъ....
Забудешь всѣхъ, и Аполлона,
И девять Музъ, и весь Парнасъ!—
Нѣтъ, некогда мечтать у насъ.

Популярность Ѳедотова, какъ художника, началась съ картины «Сватовство маіора», появившейся на выставкѣ 1848 г.; раньше ея, въ 1847 году, были выставлены двѣ картины: «Утро чиновника, получившаго орденъ», и «Горбатый женихъ». Всѣ три чрезвычайно характерны и до такой степени вѣрны дѣйствительности, что, немудрено, производили большую сенсацію, какъ среди художественнаго міра, такъ и среди публики.

Вотъ какъ описываетъ его другъ и сослуживецъ, Дружининъ, впечатлѣніе, произведенное этими картинами:

«Имя Павла Андреевича гремѣло по городу. Его сослуживцы и друзья находились въ полномъ восхищеніи. Я бросился въ Академію и увидѣлъ въ одной изъ боковыхъ залъ великія толпы народа. Все пространство отъ картинъ до двери было запружено любопытными: едва-едва, съ помощью лорнета и приподнявшись на цыпочки, успѣлъ я усмотрѣть, за толпою, картины, столь мнѣ знакомыя. Художникъ Б., стоявшій около, передалъ мнѣ всѣ интересовавшія меня подробности о первыхъ дняхъ выставки и о томъ, какъ далеко разлилась слава нашего общаго друга. Отъ него-же я узналъ, что самъ Ѳедотовъ часто бываетъ въ залѣ и прислушивается къ сужденію посѣтителей. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ предстало передъ нами веселое, но значительно постарѣвшее за лѣто лицо Павла Андреевича.

«Ѳедотовъ провожалъ какихъ-то дамъ и, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ пособить имъ пробраться къ картинамъ черезъ сплошную массу зрителей. Уставъ и досадуя на свою неловкость, онъ пустилъ въ дѣло послѣднее средство.

«— Господа,—сказалъ онъ, тронувъ двухъ или трехъ человѣкъ изъ *задняго ряда:*—пропустите на минуту автора.

Невѣста съ разсчетомъ.

— *Все это очень* хорошо. А сколько у васъ душъ крестьянъ

Затѣмъ слѣдуетъ, все также въ стихахъ, описаніе комнатной обстановки:

Посреди виситъ
Мужъ сѣдъ и именитъ,
А по сторонамъ висятъ двое—
Наши знаменитые герои:
Одинъ, батюшка, Кутузовъ,
Что первый открылъ пятки у французовъ,
А Европа сначала
Ихъ не замѣчала!
Другой,
Герой,
Кульневъ, которому, во славу и честь,
Даже у нѣмцевъ крестъ желѣзный есть.

Продолженіе идетъ все въ томъ-же родѣ: упоминается «Иловайскій на конѣ, казацкій хлопчикъ, французовъ топчетъ», затѣмъ на правой стѣнѣ «хозяйскій портретъ въ золотую раму вдѣтъ», «кошка рыльце умываетъ, гостя въ домъ зазываетъ» и кончается:

А что, господа, чай устали глаза!
Не оставить-ли до другого раза?
Извольте проститься и по домамъ расходиться.

Какъ видно изъ этого, стихотвореніе сильно страдаетъ по формѣ, но зато эти недостатки выкупаются вполнѣ и съ избыткомъ мыслію и внутреннимъ содержаніемъ. Ѳедотовъ впрочемъ самъ зналъ, что его стихи страдаютъ и размѣромъ, и риѳмой, и написалъ по этому поводу своимъ строгимъ критикамъ стихотвореніе, озаглавленное:

Къ моимъ читателямъ,

Стиховъ моихъ строгимъ разбирателямъ.

Вотъ что онъ говоритъ:

Кто-бъ ни былъ, добрый мой читатель,
Родной вы мой, или пріятель,
Теперь я васъ хочу просить,
Къ моимъ стихамъ не строгимъ быть,
Хоть я давно ношусь съ перомъ,—
Да то перо, что носятъ въ шляпѣ.
А что писатель держитъ въ лапѣ,
Я съ тѣмъ, ей Богу, не знакомъ,
И не пускаюсь въ сочиненья,
А ужъ особенно въ печать.

Затѣмъ онъ объясняетъ причину этого:

Отецъ, судьба и мать
Заставили меня маршировать

и что онъ «спокойно десять лѣтъ»

Былъ занятъ службой гарнизонной.
Вотъ доводъ, кажется, резонный,
Что не могу я быть поэтъ....
Забудешь всѣхъ, и Аполлона,
И девять Музъ, и весь Парнасъ!—
Нѣтъ, некогда мечтать у насъ.

Популярность Ѳедотова, какъ художника, началась съ картины «Сватовство маіора», появившейся на выставкѣ 1848 г.; раньше ея, въ 1847 году, были выставлены двѣ картины: «Утро чиновника, получившаго орденъ», и «Горбатый женихъ». Всѣ три чрезвычайно характерны и до такой степени вѣрны дѣйствительности, что, немудрено, производили большую сенсацію, какъ среди художественнаго міра, такъ и среди публики.

Вотъ какъ описываетъ его другъ и сослуживецъ, Дружининъ, впечатлѣніе, произведенное этими картинами:

«Имя Павла Андреевича гремѣло по городу. Его сослуживцы и друзья находились въ полномъ восхищеніи. Я бросился въ Академію и увидѣлъ въ одной изъ боковыхъ залъ великія толпы народа. Все пространство отъ картинъ до двери было запружено любопытными: едва-едва, съ помощью лорнета и приподнявшись на цыпочки, успѣлъ я усмотрѣть, за толпою, картины, столь мнѣ знакомыя. Художникъ Б., стоявшій около, передалъ мнѣ всѣ интересовавшія меня подробности о первыхъ дняхъ выставки и о томъ, какъ далеко разлилась слава нашего общаго друга. Отъ него-же я узналъ, что самъ Ѳедотовъ часто бываетъ въ залѣ и прислушивается къ сужденію посѣтителей. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ предстало передъ нами веселое, но значительно постарѣвшее за лѣто лицо Павла Андреевича.

«Ѳедотовъ провожалъ какихъ-то дамъ и, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ пособить имъ пробраться къ картинамъ черезъ сплошную массу зрителей. Уставъ и досадуя на свою неловкость, онъ пустилъ въ дѣло послѣднее средство.

«— Господа,—сказалъ онъ, тронувъ двухъ или трехъ человѣкъ изъ задняго ряда:—пропустите на минуту автора.

Гоголя, котораго талантъ былъ очень сроденъ Ѳедотову. Юморъ и сатира Гоголя затрогивали именно тѣ самыя стороны общественной жизни, которыя выводилъ въ своихъ картинахъ и Ѳедотовъ. Ихъ связывала одна общая черта: — ярко выраженная національность, и, казалось, такого рода общность могла-бы дѣйствовать привлекающимъ образомъ; между тѣмъ мы имѣемъ факты, противорѣчащіе такимъ предположеніямъ! Мы затрудняемся опредѣлить причину такого равнодушія Ѳедотова къ двумъ нашимъ корифеямъ литературы, да, собственно говоря, это и не важно; важно то, что онъ вполнѣ самостоятельно, не подчиняясь никакому вліянію, шелъ въ живописи по тому-же пути, на какомъ въ изящной литературѣ работали эти два русскіе гиганта.

III.

Обстановка квартиры.—Домашняя жизнь Ѳедотова.—Его характеръ.—Любовь къ дѣтямъ.—Наружность.—Отношеніе къ искусству и жизни.—Взгляды его на нѣкоторые вопросы.—«Болѣзнь и смерть Фидельки».—«Модный магазинъ».—Намѣреніе издавать художественно-литературный листокъ.—«Мышеловка».—«Художникъ, женившійся безъ приданаго».—Альбомъ А. И. Бегрова.—Альбомъ А. И. Сомова.—Коллекціи Жемчужникова, Званцева и Дружинина.—«Крестины».—«Утро обманутаго молодого».—Отношеніе критики и публики къ произведеніямъ Ѳедотова.—Брюловъ, какъ покровитель Ѳедотова.

По разсказамъ современниковъ, Ѳедотовъ обладалъ неистощимымъ остроуміемъ и веселостью. Всѣ, кто его зналъ, всѣ его товарищи и сослуживцы въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о его добротѣ, нѣжномъ, отзывчивомъ сердцѣ. Къ обстановкѣ и внѣшности Ѳедотовъ относился очень равнодушно. Квартиру онъ нанималъ очень маленькую, изъ 1—2 комнатъ, съ маленькимъ чуланчикомъ, въ которомъ помѣщался его вѣрный Коршуновъ. Въ большой комнатѣ онъ устраивалъ себѣ мастерскую: вездѣ, по всѣмъ угламъ стояли и лежали папки, альбомы, гипсовые слѣпки рукъ, ногъ. У средняго окна помѣщался мольбертъ съ начатымъ эскизомъ или картиной; окна были наполовину задернуты снизу, и на подоконникѣ стояли ящики съ красками, пузырьки и баночки. Чуланчикъ, отданный во *владѣніе Коршунову*, украшался имъ до самого потолка лубочными *картинами, причемъ* Коршуновъ всегда говорилъ посѣтителямъ, что *и онъ, по примѣру* барина, занимается художествомъ. Тутъ-же по-

мѣщалась и маленькая библіотека, въ которой можно было найти и Винкельмана, и англійскія учебныя книжки, Кантеміра, какой-нибудь журналъ екатерининскихъ временъ, рукописную поэму. Все это перечитывалось Ѳедотовымъ, но въ особенности онъ любилъ Крылова и Лермонтова, стихи котораго называлъ «пѣснями богатыря въ минуту скорби неслыханной».

Домашняя жизнь Ѳедотова шла ровно, какъ заведенные часы. Вставалъ онъ очень рано, выпивалъ стаканъ полугорячаго чаю, затѣмъ обливался холодною водою и шелъ гулять или, вѣрнѣе, толкаться между людьми и дѣлать наблюденія. Эти наблюденія доставляли ему массу наслажденій и служили ему неисчерпаемымъ источникомъ для разсказовъ. Иногда онъ забирался въ какое-нибудь захолустье Петербурга, напримѣръ въ Гавань, знакомился съ ея обитателями, дѣлалъ съ ними прогулки по взморью, ухаживалъ за тамошними Евами и возвращался домой обремененный новымъ запасомъ наблюденій. Любилъ останавливаться по долгу подъ окнами трактировъ, заводить рѣчи съ простонародіемъ, уговаривалъ понравившагося субъекта зайти къ нему и тутъ, между чаемъ и разговоромъ, набрасывалъ въ свой альбомъ его портретъ, зачерчивалъ характерную позу. Чтобы подмѣтить что-либо особенное, нужное ему, Ѳедотовъ готовъ былъ пройти огромное пространство за намѣченнымъ субъектомъ. Такъ, однажды, онъ преслѣдовалъ долгое время какого-то провинціала въ зеленомъ картузѣ и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не запомнилъ всѣхъ особенностей этого лица.

«Самъ просится на картину,—говорилъ онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ,—грѣшно упускать его, не попытавшись зачертить хоть на память.»

Возвратясь домой, Ѳедотовъ садился за работу и не отходилъ отъ мольберта часовъ шесть или семь. Въ три часа онъ одѣвался, чтобы идти къ кому-нибудь въ гости, но рѣдко гдѣ оставался обѣдать. Въ пищѣ былъ очень умѣренъ, вина почти что не пилъ, и если хлѣбосольный хозяинъ упрашивалъ его выпить, то отговаривался слабостью глазъ, которые у него болѣли вслѣдствіе постоянныхъ и усиленныхъ занятій. Лечиться онъ не любилъ и никогда не слушался докторовъ; послѣобѣденный сонъ считалъ лучшимъ лекарствомъ для себя и вслѣдствіе этого обѣдалъ только у тѣхъ изъ своихъ знакомыхъ, у которыхъ онъ могъ, не конфузясь, всхрапнуть часикъ или полтора послѣ обѣда.

Характеръ у Ѳедотова былъ чрезвычайно ровный и спокойный.

Быстрая подготовка.

— А что, мусье, какъ скоро возьметесь вы приготовить моего сына?
— А куда вы его готовите,—по какой карьерѣ хотите пустить?—По моей—въ гусары.—О, это очень скоро!

искусства, говорилъ онъ, узнавъ о смерту Ставассера,—и потеря очень чувствительная». При этомъ онъ разсказывалъ о томъ, каковъ былъ художникъ, и какъ жрецъ искусства, и какъ человѣкъ.

Но, обладая такой долей терпимости и доброты, онъ рѣдко прощалъ своимъ сотоварищамъ ихъ измѣны разъ принятому направленію въ искусствѣ. Искусство было для него второй богъ, служить которому нужно было съ чистой душой и не боясь ударовъ судьбы, уколовъ самолюбію и бѣдности. Въ этомъ отношеніи онъ являлъ своей особой лучшій образчикъ мужественной борьбы съ судьбою. Его никто никогда не видѣлъ жалующимся на лишенія и бѣдность, и, по словамъ Дружинина, никому и въ голову не приходила возможность услышать отъ него такія жалобы, между тѣмъ многіе знали, что Ѳедотову частенько приходилось не сладко.

Такова была его сила и гордость, что онъ ни разу не показывалъ всю трудность своей борьбы съ жизнью!

Отношенія его къ различнымъ жизненнымъ вопросамъ были всегда таковы, насколько они помогали или мѣшали его служенію искусству, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ понималъ его, т. е. служеніе искусству онъ не отдѣлялъ отъ служенія правдѣ и идеѣ. Въ этомъ отношеніи достоинъ вниманія его отзывъ о бракѣ и вообще о любви къ женщинѣ. Онъ всегда думалъ и говорилъ, что эти двѣ вещи, любовь къ искусству и любовь къ женщинѣ, несовмѣстимы. «Моей жизни не хватитъ,—говорилъ онъ,—отдаваться одновременно и искусству, и любимой женщинѣ». Когда, послѣ громкаго успѣха его картинъ, одна богатая и вполнѣ свободная дѣвушка, увлеченная его успѣхомъ, намекнула ему о своей готовности отдать ему свою руку, онъ наотрѣзъ отказался отъ этого, отъ чего, болѣе чѣмъ вѣроятно, многіе и многіе не только не отказались-бы, но обѣими руками и зубами ухватились за представившуюся возможность покончить съ жизнью впроголодь и перейти на сытую и привольную.

Онъ хотѣлъ быть обязаннымъ только самому себѣ и не желалъ поступаться ни своей свободой, ни, тѣмъ болѣе, идеями въ угоду даже любимой особы. Эта черта чрезвычайно рѣдкая въ наше время, тѣмъ болѣе, что по своимъ внутреннимъ качествамъ онъ былъ-бы прекраснымъ семьяниномъ.

Въ то время, когда Ѳедотовъ былъ занятъ своей картиной «Сватовство маіора», онъ сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ другихъ картинъ. Однажды, читая какой-то старый разрозненный журналъ, онъ наткнулся тамъ на фразу: «если барыня не въ духѣ, это значитъ, что

Онъ очень любилъ дѣтей и часто говаривалъ, что безъ дѣтей и жизнь не въ жизнь, что ихъ бѣготню, крики и даже ссоры онъ очень любитъ и былъ-бы несчастенъ, если его лишатъ этого удовольствія.— Можайскій въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ въ слѣдующихъ чертахъ описываетъ его любовь къ дѣтямъ: «Мы встрѣтились съ нимъ въ домѣ его товарища по корпусу, а моего родственника. «У меня сегодня будетъ Ѳедотовъ,—сказалъ мнѣ мой родственникъ,—познакомься съ нимъ хорошенько: онъ—человѣкъ оригинальный и истинный талантъ.» Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ гостя, и дѣйствительно вечеромъ пришелъ Ѳедотовъ изъ своей дальней васильевской линіи. Когда онъ вошелъ въ залу, по ней ходила кормилица съ ребенкомъ. Ѳедотовъ сейчасъ-же подошелъ къ малюткѣ, взялъ ея ручку и началъ разсматривать запястье пухленькой дѣтской руки, какъ будто перевязанное ниточкой. «Посмотрите,—сказалъ онъ мнѣ, когда я подошелъ къ нему,—что это за милашка! Зачѣмъ-же ты себѣ ручки ниточкой перевязываешь? Или это ты, матушка, занимаешься?» «Это Богъ такъ перевязалъ»,—сказала, смѣясь, мамка. Ѳедотовъ нагнулся и внимательно, съ умиленіемъ разсматривалъ каждый пальчикъ и каждую жилку; то цѣловалъ руку, то, держа ее въ своей, поворачивалъ въ разныхъ направленіяхъ, слѣдя за движеніемъ мускуловъ. «Не могу не любоваться... люблю дѣтей, что за прелесть всякій ребенокъ!»

Наружность Ѳедотова была довольно привлекательна. Онъ былъ средняго роста и довольно плотенъ; силой физической никогда не хвастался, но былъ, по разсказамъ современниковъ, очень силенъ. Такъ, во время его послѣдней болѣзни, въ сумасшедшемъ домѣ, онъ въ порывахъ бѣшенства вырывалъ гвозди руками изъ стѣнъ и, когда ему связали руки, продолжалъ вырывать ихъ зубами. Особенную прелесть придавала ему добрая, иногда меланхолическая улыбка.

Ѳедотовъ имѣлъ необыкновенную способность разсказывать самыя смѣшныя вещи очень серьезно, не улыбаясь. Говорилъ онъ очень хорошо, увлекательно и до такой степени живо описывалъ лица и сцены, подчасъ немного карикатурно, что слушатели его какъ будто сами присутствовали при этихъ сценахъ, видѣли эти лица. Такая способность чрезвычайно помогала ему въ искусствѣ.

Отношенія его къ товарищамъ по искусству были чужды всякаго рода зависти и непріязни: онъ искренно радовался ихъ успѣхамъ и печалился, если замѣчалъ у кого-нибудь паденіе таланта, *или если кто-нибудь* умиралъ. «Вотъ еще одна потеря для русскаго

вокругъ убраннаго цвѣтами, но уже не совсѣмъ свѣжаго трупа моськи. Направо отъ зрителя толпятся художники, явившіеся въ надеждѣ получить заказъ на живописное или скульптурное изображеніе Фидельки. Хозяйскій сынокъ, расположившись на полу, съ любопытствомъ разсматриваетъ ихъ портфели. Между тѣмъ живописецъ, въ чертахъ котораго не трудно узнать самого Ѳедотова, уже сидитъ за мольбертомъ и чертитъ портретъ околѣвшей, съ умысломъ прикрашивая натуру. Въ дверяхъ изъ другой горницы виденъ лакей, несущій для консультантовъ бумагу и перья; его останавливаетъ гробовщикъ, сующій ему въ руку деньги, съ просьбою своевременно извѣстить его о кончинѣ барыни, если таковая послѣдуетъ.

Вотъ еще картина, сепіей. Она вводитъ насъ въ «Модный магазинъ», куда собирались разные типы современнаго общества и гдѣ разыгрываются разнообразныя сцены мелкихъ людскихъ страстей. Магазинъ, по наружности, блеститъ богатствомъ и изяществомъ: стѣны снизу до верху завалены всякими товарами, прилавки украшены бронзою, прикащики ловки и привѣтливы; за то въ невидныхъ мѣстахъ, подъ прилавками и за ними, кроются пыль и неряшество, стоитъ полуштофъ водки, валяются недоѣденная колбаса и краюха чернаго хлѣба. На переднемъ планѣ мужъ уговариваетъ жену быть поэкономнѣе и, въ доказательство невозможности удовлетворить ея прихотямъ, открываетъ свой пустой бумажникъ и записную книжку, но совѣты его лишь раздражаютъ супругу: она, въ сердцахъ на мужа, кинула на полъ только что сдѣланную покупку. Позади этой четы толстая женщина, заставивъ прикащика лѣзть за товаромъ на верхнюю полку, тайкомъ упрятываетъ въ свой пространный ридикюль кусокъ кружевъ. Посрединѣ пожилой военный, глубоко вздыхая, достаетъ изъ бокового кармана деньги, для уплаты за покупки молодой жены, а ихъ такъ много, что ливрейный лакей, не смотря на свое атлетическое сложеніе, едва въ силахъ держать всю ихъ массу. Сынишка этой неравной пары, увидѣвъ за стекломъ игрушки и лакомства, дергаетъ мамашу за платье и проситъ купить и ему что-нибудь; но ей не до него: она встрѣтила въ магазинѣ молодого улана, одного изъ своихъ обожателей, и украдкою принимаетъ отъ него любовную записку. Франтъ-адъютантъ внимательно изслѣдуетъ прочность и добротность дамскихъ чулокъ съ девизомъ: «honi soit qui mal y pense», которые вѣроятно поручила ему купить командирша. Тутъ же отцвѣтшая *красавица, не* рѣшаясь прямо спросить у прикащика, что ей

искусства, говорилъ онъ, узнавъ о смерту Ставассера,—и потеря очень чувствительная». При этомъ онъ разсказывалъ о томъ, каковъ былъ художникъ, и какъ жрецъ искусства, и какъ человѣкъ.

Но, обладая такой долей терпимости и доброты, онъ рѣдко прощалъ своимъ сотоварищамъ ихъ измѣны разъ принятому направленію въ искусствѣ. Искусство было для него второй богъ, служить которому нужно было съ чистой душой и не боясь ударовъ судьбы, уколовъ самолюбію и бѣдности. Въ этомъ отношеніи онъ являлъ своей особой лучшій образчикъ мужественной борьбы съ судьбою. Его никто никогда не видѣлъ жалующимся на лишенія и бѣдность, и, по словамъ Дружинина, никому и въ голову не приходила возможность услышать отъ него такія жалобы, между тѣмъ многіе знали, что Ѳедотову частенько приходилось не сладко.

Такова была его сила и гордость, что онъ ни разу не показывалъ всю трудность своей борьбы съ жизнью!

Отношенія его къ различнымъ жизненнымъ вопросамъ были всегда таковы, насколько они помогали или мѣшали его служенію искусству, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ понималъ его, т. е. служеніе искусству онъ не отдѣлялъ отъ служенія правдѣ и идеѣ. Въ этомъ отношеніи достоинъ вниманія его отзывъ о бракѣ и вообще о любви къ женщинѣ. Онъ всегда думалъ и говорилъ, что эти двѣ вещи, любовь къ искусству и любовь къ женщинѣ, несовмѣстимы. «Моей жизни не хватитъ,—говорилъ онъ,—отдаваться одновременно и искусству, и любимой женщинѣ». Когда, послѣ громкаго успѣха его картинъ, одна богатая и вполнѣ свободная дѣвушка, увлеченная его успѣхомъ, намекнула ему о своей готовности отдать ему свою руку, онъ наотрѣзъ отказался отъ этого, отъ чего, болѣе чѣмъ вѣроятно, многіе и многіе не только не отказались-бы, но обѣими руками и зубами ухватились за представившуюся возможность покончить съ жизнью впроголодь и перейти на сытую и привольную.

Онъ хотѣлъ быть обязаннымъ только самому себѣ и не желалъ поступаться ни своей свободой, ни, тѣмъ болѣе, идеями въ угоду даже любимой особы. Эта черта чрезвычайно рѣдкая въ наше время, тѣмъ болѣе, что по своимъ внутреннимъ качествамъ онъ былъ-бы прекраснымъ семьяниномъ.

Въ то время, когда Ѳедотовъ былъ занятъ своей картиной «Сватовство маіора», онъ сдѣлалъ нѣсколько эскизовъ другихъ картинъ. Однажды, читая какой-то старый разрозненный журналъ, онъ наткнулся тамъ на фразу: «если барыня не въ духѣ, это значитъ, что

вокругъ убраннаго цвѣтами, но уже не совсѣмъ свѣжаго трупа моськи. Направо отъ зрителя толпятся художники, явившіеся въ надеждѣ получить заказъ на живописное или скульптурное изображеніе Фидельки. Хозяйскій сынокъ, расположившись на полу, съ любопытствомъ разсматриваетъ ихъ портфели. Между тѣмъ живописецъ, въ чертахъ котораго не трудно узнать самого Ѳедотова, уже сидитъ за мольбертомъ и чертитъ портретъ околѣвшей, съ умысломъ прикрашивая натуру. Въ дверяхъ изъ другой горницы виденъ лакей, несущій для консультантовъ бумагу и перья; его останавливаетъ гробовщикъ, сующій ему въ руку деньги, съ просьбою своевременно извѣстить его о кончинѣ барыни, если таковая послѣдуетъ.

Вотъ еще картина, сепіей. Она вводитъ насъ въ «Модный магазинъ», куда собирались разные типы современнаго общества и гдѣ разыгрываются разнообразныя сцены мелкихъ людскихъ страстей. Магазинъ, по наружности, блеститъ богатствомъ и изяществомъ: стѣны снизу до верху завалены всякими товарами, прилавки украшены бронзою, прикащики ловки и привѣтливы; за то въ невидныхъ мѣстахъ, подъ прилавками и за ними, кроются пыль и неряшество, стоитъ полуштофъ водки, валяются недоѣденная колбаса и краюха чернаго хлѣба. На переднемъ планѣ мужъ уговариваетъ жену быть поэкономнѣе и, въ доказательство невозможности удовлетворить ея прихотямъ, открываетъ свой пустой бумажникъ и записную книжку, но совѣты его лишь раздражаютъ супругу: она, въ сердцахъ на мужа, кинула на полъ только что сдѣланную покупку. Позади этой четы толстая женщина, заставивъ прикащика лѣзть за товаромъ на верхнюю полку, тайкомъ упрятываетъ въ свой пространный ридикюль кусокъ кружевъ. Посрединѣ пожилой военный, глубоко вздыхая, достаетъ изъ бокового кармана деньги, для уплаты за покупки молодой жены, а ихъ такъ много, что ливрейный лакей, не смотря на свое атлетическое сложеніе, едва въ силахъ держать всю ихъ массу. Сынишка этой неравной пары, увидѣвъ за стекломъ игрушки и лакомства, дергаетъ мамашу за платье и проситъ купить и ему что-нибудь; но ей не до него: она встрѣтила въ магазинѣ молодого улана, одного изъ своихъ обожателей, и украдкою принимаетъ отъ него любовную записку. Франтъ-адъютантъ внимательно изслѣдуетъ прочность и добротность дамскихъ чулокъ съ девизомъ: «honi soit qui mal y pense», которые вѣроятно поручила ему купить командирша. Тутъ же отцвѣтшая красавица, не рѣшаясь прямо спросить у прикащика, что ей

нужно, объясняется съ нимъ знаками; но смѣтливый парень понимаетъ ее и безъ словъ: онъ подаетъ ей «rouge végétal» и жемчужныя бѣлила. Въ глубинѣ сцены видна коморка съ раскрытою дверью: тамъ хозяинъ магазина совѣщается съ чиновникомъ о какой-то дѣловой бумагѣ, очевидно очень важной, такъ какъ по ея поводу пришлось выставить гостю бутылку шампанскаго. Въ числѣ посѣтителей магазина Ѳедотовъ представилъ самого себя, въ лицѣ художника, зашедшаго туда за покупками. Двѣ собаки дополняютъ картину: одна комнатная, прикрытая, по случаю стужи, нарядною попонкою, а другая—простая дворняшка: послѣдняя, въ удивленіи отъ необыкновеннаго костюма первой, ворчитъ на нее изъ-подъ салопа своей хозяйки.

Одно время Ѳедотовъ задумалъ для поправки своего матеріальнаго положенія издавать вмѣстѣ съ художникомъ Бернадскимъ художественно-литературный листокъ вродѣ изданій Говарни. Ѳедотовъ хотѣлъ назвать этотъ листокъ или «*Вечеромъ вмѣсто преферанса*», или «*Сѣвернымъ пустозвономъ*», но, неизвѣстно почему, это предпріятіе такъ и осталось только въ проэктѣ, хотя для него было изготовлено множество рисунковъ, изъ числа которыхъ назовемъ слѣдующіе: «Капиталисты». Двое пріятелей играютъ при догорѣвшей сальной свѣчѣ.—*Купи свѣчу, ты выигралъ!*—говоритъ одинъ.—*Нѣтъ, посылай ты за свѣчкой, я тебѣ сотру пятьдесятъ тысячъ*, отвѣчаетъ другой. «Гастрономъ»,—господинъ, кушающій съ кислою миной кусокъ рыбы съ подписью:—*Что это, Леночка, какая дурная севрюга! Вотъ вчера вечеромъ у Ивана Петровича ѣлъ я севрюгу—вотъ такъ севрюга!—Жена: А сколько ты тамъ вчера проигралъ? Мужъ: Бездѣлицу! десять цѣлковыхъ.—Жена: А сколько мнѣ далъ на расходъ?—Мужъ: Трехрублевый!...* «Нѣжный супругъ» говоритъ съ видомъ сожалѣнья женѣ: *Ну, Катенька, я думалъ,—что ты будешь къ празднику съ обновкой, а выходитъ—нѣтъ. Представъ себѣ, нѣсколько дней все катерны да катерны, а не прошелъ ни одного разу!* Всѣхъ рисунковъ было болѣе тридцати. Они отосланы г. Бернадскимъ къ семейству покойнаго. Въ альбомѣ, находящемся у П. И. Реслера, остались многіе превосходные рисунки Ѳедотова, писанные акварелью, изъ которыхъ особенно замѣчательны по экспрессіи и оконченности слѣдующіе рисунки: нѣмецъ, объясняющій во время холеры мужику опасность ѣсть лукъ, огурцы и квасъ,—*тутъ Ѳедотовъ соединилъ* все, что можетъ произвести холеру. Боль-

Богомольный мужъ.

— Что? Опять къ своей Палагеѣ Агафоновнѣ?

— Ей Богу, душенька, къ обѣднѣ.

пая картина со множествомъ фигуръ—«Гулянье въ Москвѣ во время дождя»; «Домашній воръ»—тутъ Ѳедотовъ изобразилъ мужа, который, проигравъ у себя на вечерѣ всѣ деньги, тихонько вынимаетъ изъ бюро жены новые рессурсы, и она ловитъ его на мѣстѣ преступленія. «Состраданіе»—мальчикъ натравляетъ на прохожаго собаку, между тѣмъ какъ какой-то сибаритъ любуется этой сценой изъ окна, попивая пуншъ и покуривая папироску. «Брань подъ Смоленскимъ (кладбищемъ)», «Брань подъ Краснымъ (полемъ)»,—обѣ сатирическія. «Милосердіе», прекрасный оконченный акварелью рисунокъ, состоящій изъ двухъ фигуръ. Слуга, покупающій у разнощика щетку, юмористическій рисунокъ акварелью; кромѣ этого—эскизъ съ подписью: «*Господа, женитесь, пригодится*», въ которомъ представлена молодая женщина, ведущая нетрезваго человѣка съ помощью дѣтей. Передняя у одного извѣстнаго человѣка и праздникъ — прекрасно исполненная акварелью, со множествомъ фигуръ портретовъ товарищей Ѳедотова, изображенныхъ въ живописныхъ группахъ. Въ рисункѣ, названномъ Павломъ Андреевичемъ очень остроумно «Мышеловкой», потому что на первомъ планѣ нарисована мышь, бѣгущая въ западню, на повѣшенный кусокъ говядины, изображена цѣлая драма: вы видите передъ собою сырой, смрадный подвалъ, отъ стѣнъ котораго отвалилась штукатурка, и въ этомъ подвалѣ, въ самой темной луби,—больную старуху, приподнявшуюся на кровати и кашляющую. Выраженіе ея страдальческаго лица такъ естественно, что сѣмъ какъ будто и слышится этотъ болѣзненный кашель. Со старухи взглядъ вашъ переносится на благородное, миловидное лицо молодой дѣвушки. Бѣдняжка сидитъ, уныло склонивъ голову и, въ раздумьи, арапаетъ ножницами гладильную доску, слушая шопотъ толстой водни, которая, показывая ей богатые подарки, уговариваетъ ее, бѣщая всевозможныя блага въ жизни. Въ отворенную дверь подала виденъ и самъ претендентъ на молодую швею, награждающій ворника, въ ожиданіи успѣха посольства.

Переходимъ отъ этой картины къ «Художнику, женившемуся езъ приданаго»; та-же самая обстановка бѣдности, тотъ-же хоодный подвалъ съ окнами, занесенными снѣгомъ, съ одиночными ѣтними рамами. По стѣнамъ, вмѣсто всякихъ иныхъ украшеній, ксятъ недоконченныя картины, сдѣланныя въ лѣта молодости полой надеждъ, свидѣтельствующія о несомнѣнномъ, сильномъ таантѣ, *а между тѣмъ* этотъ-же самый художникъ, уже состарѣв-

котораго находится, въ числѣ прочихъ, эскизъ сепіей «Мародеры въ русской деревнѣ въ 1812-мъ году; К. Н. Званцовъ; Г. В. Дружининъ, у котораго собраны почти что всѣ этюды къ картинѣ «Пріѣздъ жениха»; г. Вановскій и У. Н. Титовъ. Кромѣ того у В. М. Женчужникова находится неоконченная картина масляными красками «Игроки».

Въ эскизѣ «Крестины» Ѳедотовъ изобразилъ бѣдную, единственную комнату, раздѣленную на два отдѣленія ситцевымъ пологомъ. На постели сидитъ родильница и, вынувъ изъ корзины, служащей вмѣсто колыбели, младенца, собирается кормить его, когда появленіе мужа пріостанавливаетъ ее. Въ смятой старой шляпѣ, въ засаленномъ фракѣ съ продранными локтями, отецъ горделиво держитъ надъ головой въ каждой рукѣ по бутылкѣ *клико*, между тѣмъ, какъ четверо другихъ его дѣтей спорятъ и ссорятся изъ за-куска бѣлаго хлѣба. Вмѣсто дровъ, кухарка собирается топить печь бумагой, стружками и обломками отъ старой мебели. По лицу отца семейства замѣтно, что онъ въ полномъ восторгѣ отъ своей покупки и ни на что прочее не желаетъ обращать никакого вниманія.

Въ «Жатвѣ на чужой счетъ» Ѳедотовъ представилъ веселое мужское и женское общество, которому прислуживаетъ франтъ камердинеръ, завитой, въ усахъ, съ эспаньолкой и въ башмакахъ. Въ это-же время въ передней виденъ другой слуга, который забираетъ на книжку у разносчика фрукты, печенья, а третій выпроваживаетъ невѣжливыхъ кредиторовъ толчками.

Чрезвычайно любопытенъ его эскизъ «Утро обманутаго молодого». Молодой въ отчаяніи схватилъ себя за голову; молодая на колѣняхъ передъ нимъ умоляетъ простить ее. Ѳедотовъ, поясняя эту картину, написалъ къ ней стихотвореніе, которое къ сожалѣнію затерялось, за исключеніемъ стиховъ, вложенныхъ имъ въ уста молодого:

Не серди меня рѣчью пошлою,
Не стыди меня страстью прошлою,
И не лей ты слезъ изъ подлобія.
Въ тебѣ прошлаго нѣтъ подобія!
Гдѣ кудрей твоихъ волна длинная,
Грудь лилейная и высокая...

Всѣ эти эскизы и еще много другихъ отличались необыкновенною вѣрностью и правдивостью и кромѣ того въ нихъ ясно про-

595. 2 46

П. А. Федотовъ.

Подчиненный: Ахъ, ваше пр-
ство, какой у васъ пре-
лестный сынокъ!

Начальникъ: А дѣло принесли?

Подчиненный: Какой милашка!

Начальникъ: А дѣло?

Подчиненный: Прелесть!

Центральная библиотека имени Максима Горького

тиллеріи и кавалеріи, по слабости здоровья и несправедливости начальства долженъ былъ выйти въ отставку, обремененъ семействомъ... Будьте благодѣтелемъ!

8) Трое игроковъ оставили на время карты. Одинъ потираетъ себѣ поясницу, другой схватился за голову, а третій, сидя за ломбернымъ столомъ, наливаетъ изъ графина чарку водки.

Подпись: *1) Чортъ знаетъ съ чего, ужасно голова болитъ... мочи нѣтъ. 2) Уфъ, какъ поясница болитъ! И съ чего бы? 3) Я полагаю, г-да, это нашъ петербургскій климатъ. Здѣсь всѣ страдаютъ геморроемъ.*

9) Дѣвочка надѣваетъ чепчикъ на Ѳедотова, сидящаго въ халатѣ, на стулѣ.

Подпись: *Ахъ, папаша! Какъ къ тебѣ идетъ чепчикъ! Правду мамочка говоритъ, что ты ужасная баба.*

10) Франтъ, стоя у забора, смотритъ на видимую изъ-за угла улицу. Надъ головой этой фигуры прибитая къ забору дощечка съ надписью: *Продается пустопорожнее мѣсто.*

11) Мать уговариваетъ дѣвушку, сидящую на стулѣ въ позѣ отчаянія.

Подпись: *Мать: Да рѣшись, душенька, дай ему слово! Дочь: Да какъ же я могу рѣшиться, когда я его терпѣть не могу? Мать: Э, глупенькая! Да я развѣ любила твоего батюшку-то, а ничего, слава Богу, тридцать лѣтъ прожили.*

Этотъ альбомъ, судя по цензурной помѣткѣ отъ 22 іюля 1856, былъ вѣроятно предназначенъ къ выпуску. Всѣ эти рисунки, 47 штукъ, были собраны пріятелемъ Ѳедотова, Ѳ. С. Пащинымъ, а право на изданіе ихъ пріобрѣлъ Сѣмечкинъ, который однако успѣлъ выпустить только 10 рисунковъ, исказивши ихъ прибавкою ненужныхъ, собственнаго изобрѣтенія, аксессуаровъ и дополненій.

У А. И. Сомова 51 карандашный рисунокъ и двѣ акварели; въ числѣ ихъ:

1) Одинъ извѣстный русскій архитекторъ, любящій прилгнуть, изображенный въ карикатурѣ.

Подпись: *Исаакіевскій соборъ? О, это я тоже началъ строить! Да не стоитъ—передалъ Монферану.*

2) Офицеру во время ученья солдатъ зашиваетъ разорвавшіеся штаны.

Подпись: *Какъ хорошо имѣть въ ротѣ портныхъ!*

3) Г. Ш. кушаетъ на похоронахъ.

Подпись: *Упокой, Господи, душу усопшаго раба!*

Кромѣ этихъ лицъ, еще слѣдующія обладаютъ, каждый, изрядной коллекціей ѳедотовскихъ рисунковъ: Л. М. Жумчужниковъ, У

котораго находится, въ числѣ прочихъ, эскизъ сепіей «Мародеры въ русской деревнѣ въ 1812-мъ году; К. Н. Званцовъ; Г. В. Дружининъ, у котораго собраны почти что всѣ этюды къ картинѣ «Пріѣздъ жениха»; г. Вановскій и У. Н. Титовъ. Кромѣ того у В. М. Жемчужникова находится неоконченная картина масляными красками «Игроки».

Въ эскизѣ «Крестины» Ѳедотовъ изобразилъ бѣдную, единственную комнату, раздѣленную на два отдѣленія ситцевымъ пологомъ. На постели сидитъ родильница и, вынувъ изъ корзины, служащей вмѣсто колыбели, младенца, собирается кормить его, когда появленіе мужа пріостанавливаетъ ее. Въ смятой старой шляпѣ, въ засаленномъ фракѣ съ продранными локтями, отецъ горделиво держитъ надъ головой въ каждой рукѣ по бутылкѣ *клико*, между тѣмъ, какъ четверо другихъ его дѣтей спорятъ и ссорятся изъ за-куска бѣлаго хлѣба. Вмѣсто дровъ, кухарка собирается топить печь бумагой, стружками и обломками отъ старой мебели. По лицу отца семейства замѣтно, что онъ въ полномъ восторгѣ отъ своей покупки и ни на что прочее не желаетъ обращать никакого вниманія.

Въ «Жатвѣ на чужой счетъ» Ѳедотовъ представилъ веселое мужское и женское общество, которому прислуживаетъ франтъ камердинеръ, завитой, въ усахъ, съ эспаньолкой и въ башмакахъ. Въ это-же время въ передней виденъ другой слуга, который забираетъ на книжку у разносчика фрукты, печенья, а третій выпроваживаетъ невѣжливыхъ кредиторовъ толчками.

Чрезвычайно любопытенъ его эскизъ «Утро обманутаго молодого». Молодой въ отчаяніи схватилъ себя за голову; молодая на колѣняхъ передъ нимъ умоляетъ простить ее. Ѳедотовъ, поясняя эту картину, написалъ къ ней стихотвореніе, которое къ сожалѣнію затерялось, за исключеніемъ стиховъ, вложенныхъ имъ въ уста молодого:

Не серди меня рѣчью пошлою,
Не стыди меня страстью прошлою,
И не лей ты слезъ изъ подлобія.
Въ тебѣ прошлаго нѣтъ подобія!
Гдѣ кудрей твоихъ волна длинная,
Грудь лилейная и высокая...

Всѣ эти эскизы и еще много другихъ отличались необыкновенною вѣрностью и правдивостью и кромѣ того въ нихъ ясно про-

«Теперь невѣстъ сюда! Невѣстъ!»

стоятельную дорогу и получило возможность гордиться такимъ художникомъ, какъ Ѳедотовъ, а за нимъ цѣлой блестящей фалангой славныхъ именъ, учившихся на примѣрѣ Ѳедотова правдѣ и искреннему, неподдѣльному чувству.

IV.

Поѣздка въ Москву.—Успѣхъ Ѳедотова тамъ.—Устройство семейныхъ дѣлъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Задуманныя новыя работы: «Пріѣздъ Государя въ институтъ», «Возвращеніе институтки домой», «Мадонна съ младенцемъ» и «Вдовушка».—Воспоминанія Дружинина и Лебедева объ этой картинѣ.—Начало болѣзни Ѳедотова.—Полная нищета его семейства.—Копіи.—Сумасшествіе.—Посѣщеніе друзьями Ѳедотова въ сумасшедшемъ домѣ.—Смерть.

Въ то время, когда въ Петербургѣ Ѳедотову начинало улыбаться будущее, въ Москвѣ дѣла его семейства становились все хуже и хуже. Престарѣлый отецъ его вынужденъ былъ выйти въ отставку, вслѣдствіе чего вся тяжесть содержанія семьи, ея матеріальное положеніе легли на Павла Андреевича. Такое состояніе дѣлъ семьи вынудило его отправиться самому въ Москву для хлопотъ по устройству ея. Отправляясь туда, онъ говорилъ друзьямъ, что намѣренъ пробыть очень недолго, но между тѣмъ пробылъ тамъ четыре мѣсяца. Причиной такого долгаго пребыванія въ Москвѣ была, кромѣ хлопотъ по семейнымъ дѣламъ, еще выставка, которую онъ устроилъ въ Растопчинской галереѣ изъ своихъ картинъ, эскизовъ и рисунковъ.

Въ числѣ нихъ на этой выставкѣ были: «Горбатый женихъ», «Мышеловка», «Художникъ въ старости» и «Послѣдствія пирушки».

Въ Москвѣ, среди публики, эти вещи произвели неменьшій фуроръ, чѣмъ въ Петербургѣ. Вотъ какъ самъ Ѳедотовъ въ одномъ изъ писемъ къ друзьямъ описываетъ свой успѣхъ:

«Мои картинки производятъ фуроръ, и мы помышляемъ устроить маленькую выставку изъ моихъ эскизовъ и конченныхъ работъ. Новымъ знакомствомъ и самымъ радостнымъ, теплымъ бесѣдамъ нѣтъ конца. Въ участи моего отца и сестры-вдовушки первыя лица въ городѣ приняли участіе; съ Божьей помощью я надѣюсь, что ихъ обезпечатъ на всегда. Я рѣшаюсь еще полѣниться немножко, потому что въ этой суматохѣ нельзя работать. Каюсь здѣсь, кстати,

въ одномъ прегрѣшеніи: моя стихотворная бездѣлушка ходитъ по рукамъ и меня часто заставляютъ ее читать. Знаю, что вы меня выбраните по пріѣздѣ; ну, да ужъ дѣлать нечего.»

Эта «стихотворная бездѣлушка» былъ извѣстный разсказъ въ стихахъ, написанный Ѳедотовымъ: «Сватовство маіора или Поправленіе обстоятельствъ». Этотъ разсказъ ходилъ въ рукописяхъ почти по всей Россіи и, вслѣдствіе цензурныхъ условій, не могъ быть напечатанъ тогда. Впервые въ отрывкахъ онъ былъ напечатанъ въ «Пантеонѣ» за 1854 г., а въ цѣломъ видѣ явился въ печать, почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти художника, въ «Русской Старинѣ» Семевскаго за 1872 г.

Возвратясь въ Петербургъ изъ Москвы, Ѳедотовъ казался довольнымъ, веселымъ и помолодѣвшимъ. О радушіи московскихъ жителей онъ не могъ наговориться достаточно и даже началъ было поговаривать о хорошенькой невѣстѣ, которую ему тамъ сватали.

По возвращеніи для Ѳедотова началась опять трудовая жизнь. Голова его вновь была занята новыми сюжетами, въ числѣ которыхъ его особенно занимала мысль написать картину, изображающую пріѣздъ Государя въ *** институтъ.

«На этой картинѣ Ѳедотовъ имѣлъ въ виду изобразить сотни дѣтей и взрослыхъ дѣвушекъ, но изобразить такъ, чтобы зрителю эти дѣти и взрослыя дѣвушки казались существами знакомыми и гдѣ-то видѣнными. На подготовительныхъ его трудахъ по этому случаю можно было усмотрѣть дѣйствительно изобиліе женскихъ и дамскихъ типовъ, начиная отъ здоровой, кудрявой рѣзвушки до задумчивой дѣвушки, и отъ граціозной малютки до совершенно развитой дѣвицы, въ полномъ цвѣтѣ правильной и строгой, даже нѣсколько холодной, красоты. Такъ какъ Ѳедотовъ былъ знакомъ во многихъ семействахъ и могъ время отъ времени ѣздить въ институты, то за оригиналами не могло быть остановки; но гдѣ скопировать мѣсто дѣйствія, большую залу съ колоннами, постелями и освѣщеніемъ отъ безчисленныхъ оконъ? Эту обстановку и освѣщеніе нужно было имѣть передъ глазами каждую минуту, между тѣмъ какъ безпрестанныя посѣщенія института оказались бы невозможными. Подумавъ немного, нашъ художникъ рѣшился въ своей комнатѣ устроить институтскую залу съ помощью картона, палочекъ и глазированной бумаги. Около двухъ недѣль онъ сидѣлъ, размѣривалъ по масштабу, клеилъ, раскрашивалъ и рѣзалъ, и наконецъ плодомъ его усилій вышла большая бѣлая коробка съ прорѣзанными

Жирный подмалевокъ.

— Экою ты меня сдѣлалъ жирною!

— Это еще подмалевокъ,—посмотрѣли бы, какъ Брюловъ жирно подмалевываетъ.

— То-то, смотри!

гоятельную дорогу и получило возможность гордиться такимъ художникомъ, какъ Ѳедотовъ, а за нимъ цѣлой блестящей фалангой лавныхъ именъ, учившихся на примѣрѣ Ѳедотова правдѣ и искренему, неподдѣльному чувству.

IV.

Поѣздка въ Москву.—Успѣхъ Ѳедотова тамъ.—Устройство семейныхъ дѣлъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Задуманныя новыя работы: «Пріѣздъ Государя въ институтъ», «Возвращеніе институтки домой», «Мадонна съ младенцемъ» «Вдовушка».—Воспоминанія Дружинина и Лебедева объ этой картинѣ.—Начало болѣзни Ѳедотова.—Полная нищета его семейства.—Копіи.—Сумасшествіе.—Посѣщеніе друзьями Ѳедотова въ сумасшедшемъ домѣ.—Смерть.

Въ то время, когда въ Петербургѣ Ѳедотову начинало улыбаться удущее, въ Москвѣ дѣла его семейства становились все хуже и уже. Престарѣлый отецъ его вынужденъ былъ выйти въ отставку, слѣдствіе чего вся тяжесть содержанія семьи, ея матеріальное пооженіе легли на Павла Андреевича. Такое состояніе дѣлъ семьи ынудило его отправиться самому въ Москву для хлопотъ по устройгву ея. Отправляясь туда, онъ говорилъ друзьямъ, что намѣренъ робыть очень недолго, но между тѣмъ пробылъ тамъ четыре мѣяца. Причиной такого долгаго пребыванія въ Москвѣ была, кромѣ лопотъ по семейнымъ дѣламъ, еще выставка, которую онъ устролъ въ Растопчинской галереѣ изъ своихъ картинъ, эскизовъ и исунковъ.

Въ числѣ нихъ на этой выставкѣ были: «Горбатый женихъ», Мышеловка», «Художникъ въ старости» и «Послѣдствія пирушки».

Въ Москвѣ, среди публики, эти вещи произвели неменьшій уроръ, чѣмъ въ Петербургѣ. Вотъ какъ самъ Ѳедотовъ въ одномъ зъ писемъ къ друзьямъ описываетъ свой успѣхъ:

«Мои картинки производятъ фуроръ, и мы помышляемъ устроть маленькую выставку изъ моихъ эскизовъ и конченныхъ работъ. Новымъ знакомствомъ и самымъ радостнымъ, теплымъ бесѣдамъ нѣтъ конца. Въ участи моего отца и сестры-вдовушки первыя ица въ городѣ приняли участіе; съ Божьей помощью я надѣюсь, то ихъ обезпечатъ на всегда. Я рѣшаюсь еще полѣниться немножко, отому что въ этой суматохѣ нельзя работать. Каюсь здѣсь, кстати,

въ одномъ прегрѣшеніи: моя стихотворная бездѣлушка ходитъ по рукамъ и меня часто заставляютъ ее читать. Знаю, что вы меня выбраните по пріѣздѣ; ну, да ужъ дѣлать нечего.»

Эта «стихотворная бездѣлушка» былъ извѣстный разсказъ въ стихахъ, написанный Ѳедотовымъ: «Сватовство маіора или Поправленіе обстоятельствъ». Этотъ разсказъ ходилъ въ рукописяхъ почти по всей Россіи и, вслѣдствіе цензурныхъ условій, не могъ быть напечатанъ тогда. Впервые въ отрывкахъ онъ былъ напечатанъ въ «Пантеонѣ» за 1854 г., а въ цѣломъ видѣ явился въ печать, почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти художника, въ «Русской Старинѣ» Семевскаго за 1872 г.

Возвратясь въ Петербургъ изъ Москвы, Ѳедотовъ казался довольнымъ, веселымъ и помолодѣвшимъ. О радушіи московскихъ жителей онъ не могъ наговориться достаточно и даже началъ было поговаривать о хорошенькой невѣстѣ, которую ему тамъ сватали.

По возвращеніи для Ѳедотова началась опять трудовая жизнь. Голова его вновь была занята новыми сюжетами, въ числѣ которыхъ его особенно занимала мысль написать картину, изображающую пріѣздъ Государя въ * институтъ.

«На этой картинѣ Ѳедотовъ имѣлъ въ виду изобразить сотни дѣтей и взрослыхъ дѣвушекъ, но изобразить такъ, чтобы зрителю эти дѣти и взрослыя дѣвушки казались существами знакомыми и гдѣ-то видѣнными. На подготовительныхъ его трудахъ по этому случаю можно было усмотрѣть дѣйствительно изобиліе женскихъ и дамскихъ типовъ, начиная отъ здоровой, кудрявой рѣзвушки до задумчивой дѣвушки, и отъ граціозной малютки до совершенно развитой дѣвицы, въ полномъ цвѣтѣ правильной и строгой, даже нѣсколько холодной, красоты. Такъ какъ Ѳедотовъ былъ знакомъ во многихъ семействахъ и могъ время отъ времени ѣздить въ институты, то за оригиналами не могло быть остановки; но гдѣ скопировать мѣсто дѣйствія, большую залу съ колоннами, постелями и освѣщеніемъ отъ безчисленныхъ оконъ? Эту обстановку и освѣщеніе нужно было имѣть передъ глазами каждую минуту, между тѣмъ какъ безпрестанныя посѣщенія института оказались бы невозможными. Подумавъ немного, нашъ художникъ рѣшился въ своей комнатѣ устроить институтскую залу съ помощью картона, палочекъ и глазированной бумаги. Около двухъ недѣль онъ сидѣлъ, размѣривалъ по масштабу, клеилъ, раскрашивалъ и рѣзалъ, и наконецъ плодомъ его усилій вышла большая бѣлая коробка съ прорѣзанными

П. А. Ѳедотовъ.

›кнами; внутри коробки, открытой съ боку, помѣщались бѣлыя колонны и ряды кроватей. Каждая колонна обклеивалась бумагой подъ мраморъ; каждая кроватка отдѣлывалась, какъ будто для игрушки.»

Къ сожалѣнію, столько хлопотъ и трудовъ, потраченныхъ на подготовленіе этой картины, пропали даромъ: она не была написана. Единственнымъ воспоминаніемъ о ней, кромѣ рисунковъ, осталась асня «Два цвѣтка», помѣщенная еще при жизни Ѳедотова въ фельеонѣ газеты «Русскій Инвалидъ».

Здѣсь, намъ кажется, будетъ удобно указать на другіе стиховорные опыты, написанные Ѳедотовымъ въ свободныя минуты. Эти асни, пѣсни и романсы, какъ мы уже раньше сказали, не отличаись изяществомъ формы и стиха, даже, больше того, форма въ ольшинствѣ случаевъ была тяжелая, дубовая, риѳмы притянуты ругъ къ другу самымъ насильственнымъ образомъ, но тѣмъ не енѣе всѣ они дышатъ самымъ непосредственнымъ чувствомъ, а орою блещутъ неподдѣльнымъ остроуміемъ и веселостью.

Большинство этихъ произведеній напечатано въ «Пантеонѣ» з 1854 г., къ которому мы и отсылаемъ нашихъ читателей, нтересующихся музой Ѳедотова.

Изъ басенъ его особенно замѣчательны: «Тѣнь и Солнце», Пчела и Цвѣтокъ». Въ обѣихъ этихъ басняхъ выражена мысль, то человѣкъ, какъ бы онъ одаренъ ни былъ, живя и ведя борьбу ъ средѣ, мало или совсѣмъ ему не сочувствующей, обыкновенно огибаетъ жертвой этой среды, не имѣвъ возможности выказать вои дарованья.

Другія басни его, какъ напр.: «Два Цвѣтка», «Садовники», Конь», или рѣшаютъ какіе-нибудь нравственные вопросы, или же, акъ напр. «Усердная Ховронья», служатъ какъ бы перефразой рыловскихъ басенъ, которыя такъ любилъ нашъ художникъ.

Одно время Ѳедотовъ старался подражать въ формѣ стихосложенія русскимъ народнымъ пѣснямъ. Изъ такихъ опытовъ приведемъ здѣсь одно очень граціозное стихотвореніе подъ названіемъ Куку»:

На дубу кукушечка,
На дубу унылая
Куковала.
Куку, куку—куковала.

Подъ окошечкомъ дѣвица,
Подъ окошечкомъ красная
Тосковала.
Куку, куку—тосковала.
Ноетъ сердце дѣвицы,
Что не любитъ молодецъ,
Какъ бывало.
Куку, куку—какъ бывало.
Но долга-ль грусть дѣвицы?
Въ годъ тоска, печаль ея
Вся пропала.
Куку, куку—вся пропала!
И съ другимъ, счастливая,
Подъ вѣнцомъ задумавшись,
Ужъ стояла!
Куку, куку—ужъ стояла.
Черезъ годъ кукушечка
На гнѣздѣ, на новенькомъ,
Куковала.
Куку, куку—куковала.

Самъ Ѳедотовъ никогда не признавалъ за собой литератур способностей, доказательствомъ чему служитъ приведенный отрывокъ изъ его посланія: «Къ моимъ читателямъ, стиховъ строгимъ разбирателямъ». На свои литературные опыты онъ рѣлъ, какъ на «бездѣлушки», и потому никогда не гнался з стотой отдѣлки; писалъ онъ ихъ обыкновенно по просьбѣ п лей и знакомыхъ, въ альбомъ какой-нибудь знакомой дамѣ, и. въ минуты отдыха; вѣроятно есть не мало еще ѳедотовскихъ ховъ, которые никогда не были и не будутъ извѣстны публи.

Но, занявшись литературными опытами художника, мы за или, скорѣе, отвлеклись отъ прямой нашей задачи.

Въ числѣ задуманныхъ картинъ была также картина на сю «Возвращеніе институтки домой». Ѳедотовъ никакъ не могъ новиться на томъ, какъ ему изобразить этотъ сюжетъ: то он тѣлъ представить всю сцену, не вдаваясь въ тенденціозност останавливался на мысли представить ужасъ и разочарованіе и тутки, привыкшей къ довольству и чуть-ли не роскоши, при бѣдности и нужды, царящей въ домѣ ея родителей.

Въ послѣдніе два-три года его жизни направленіе художес *ной дѣятельности* Ѳедотова замѣтно измѣнилось.

П. А. Ѳедотовъ.

Усталъ-ли онъ вѣчно давать уроки морали или, можетъ быть, его больше не удовлетворяли сатира и насмѣшка надъ общественными нравами, только онъ сталъ пробовать себя надъ сюжетами, имѣвшими или религіозный, или грустный, сантиментальный характеръ.

Къ такимъ его вещамъ принадлежатъ: эскизъ «Мадонна съ младенцемъ» и извѣстная его картина «Вдовушка».

Съ послѣдней картиной произошла такая-же исторія, какъ и со «Сватовствомъ маіора». Любопытенъ тотъ-же процессъ творчества, та-же щепетильность Ѳедотова въ выборѣ натуры! То-же бѣганье, то-же изученье, та-же наблюдательность прилагались и въ данномъ случаѣ, но не тѣ сказались результаты! «Вдовушка», несмотря на всѣ свои достоинства, стоитъ несравненно ниже не только «Сватовства», но даже «Утра чиновника» и «Горбатаго жениха».

Вотъ какъ разсказываетъ пріятель Ѳедотова, Лебедевъ, о томъ, какимъ образомъ нашъ художникъ собиралъ наблюденія и изучалъ сюжетъ своей картины:

«Разъ, это было въ августѣ... онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ на дачу, въ Царское Село, и послѣ первыхъ словъ спрашиваетъ: «а гдѣ твои дѣти?» Когда вбѣжали три рѣзвые мальчика, которые, коротко зная художника, вскарабкались къ нему на колѣни и начали тормошить гостя,—Ѳедотовъ успѣлъ усмирить ихъ шаловливые порывы и долго всматривался въ смѣющіяся лица шалуновъ. Въ особенности внимательно смотрѣлъ онъ на виски и потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: «вотъ гдѣ природа женщины сходится съ природой дѣтей: посмотри на эту нѣжную кожу, просвѣчивающіяся жилы, неопредѣленную синеву тѣла; вотъ природа, да только природа трудная, неуловимая...» Наигравшись съ дѣтьми, Ѳедотовъ отправился со мною въ дворцовый садъ, былъ веселъ, шутливъ, но безпрестанно повторялъ: «что у него есть теперь для вдовушки лобъ и виски, но недостаетъ еще любящихъ глазъ...»

Случай особенно благопріятствовалъ художнику въ этотъ вечеръ; на музыкѣ, въ Павловскѣ, ему удалось встрѣтить и наблюдать особу, имѣющую всѣ тѣ данныя, которыя такъ долго искалъ Ѳедотовъ.

На другой день картина была начата, но долгое время не удавалась художнику. Онъ не могъ остановиться на выраженіи глазъ у вдовушки, то хотѣлъ придать имъ выраженіе созерцательной грусти, то медленной безотрадной тоски; въ то-же время его стѣснялъ и затруднялъ колоритъ и техническія трудности, которыя онъ хотѣлъ непремѣнно побѣдить. Къ числу такихъ трудностей относилось двой-

ное освѣщеніе: отъ свѣчки и отъ окна, изъ котораго льется ровный сѣрый свѣтъ ранняго петербургскаго утра.

По разсказу того-же Лебедева, Ѳедотовъ приписывалъ свою побѣду надъ этими трудностями тому, что увидѣлъ во снѣ своего любимаго профессора, Брюлова, который ему указалъ способъ побѣдить ихъ. Лебедева поразилъ при этомъ, кромѣ разстроеннаго вида художника, изможденнаго его лица, еще и тотъ жаръ, съ которымъ онъ утверждалъ, что подобныя сновидѣнія вполнѣ возможны:

«Вы всѣ, господа любители, готовы улыбаться и считать это дѣло мечтою воображенія, и, подъ часъ, воображенія разстроеннаго; но мы, художники, можемъ дойти до такого состоянія духа, когда бесѣда съ отжившими для насъ болѣе, чѣмъ возможна!...»

По поводу той-же картины Дружининъ разсказываетъ случай, въ которомъ ярко выразилась вся натура Ѳедотова, его щепетильное и добросовѣстное отношеніе къ своимъ трудамъ: художникъ Жемчужниковъ, любуясь отдѣлкой «Вдовушки», сказалъ Ѳедотову: «Какъ это хорошо и какъ просто!» Павелъ Андреевичъ на это отвѣтилъ весьма мѣтко: «да, будетъ просто, какъ поработаешь *разъ со сто*».

Этотъ отвѣтъ можетъ оцѣнить всякій, кто мало-мальски знакомъ съ техникой искусства и кто ищетъ прежде всего правды. Нѣтъ проще и лучше правды, а сколько труда, сколько волненій требуется для полнаго выраженія ея! Тутъ мало выразить, поймать ее въ главномъ: все, до послѣдней мелочи, должно быть правдиво и кромѣ того выяснять и дополнять общій смыслъ и настроеніе картины. Ѳедотовъ именно такимъ образомъ и понималъ задачу искусства, и дѣйствительно, въ его картинахъ вы нигдѣ не встрѣчаетесь съ той массой ненужныхъ деталей и аксессуаровъ, которые мы такъ часто встрѣчаемъ въ картинахъ другихъ художниковъ; ни убавить, ни прибавить ничего нельзя: мысль у него выражена совершенно полно!

Усиленныя занятія, а также постоянная тревога объ участи отца и сестеръ не могли хорошо и благотворно вліять на здоровье Ѳедотова. Уже вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Москвы друзья его, несмотря на видимую веселость Павла Андреевича, стали замѣчать въ немъ тревожные признаки развивавшейся болѣзни. Головныя боли, болѣзнь глазъ, которые онъ лечилъ совершенно своеобразно, и кромѣ того нервное разстройство и безсонница, *пріобрѣтенныя имъ* еще въ молодости, были достаточно угрожающими симптомами.

КАКЪ ЛЮДИ САДЯТСЯ.

— Прошу садиться!

Какъ бо́льшая часть людей, голова которыхъ находится въ по-
тоянной работѣ, Ѳедотовъ любилъ мертвую тишину ночью, и ма-
ѣйшій шумъ совершенно лишалъ его сна. Однажды одинъ изъ его
оварищей уговорилъ его ночевать у себя; но, когда все въ домѣ
иеглось, Ѳедотовъ замѣтилъ, что какіе-то часы щелкаютъ надъ его
оловой. Этой причины было совершенно достаточно, чтобы лишить
о сна, пока наконецъ ему не удалось «схватить часы за хвостъ»,
е. за маятникъ, и остановить ихъ. Оставалось только захрапѣть,
Ѳедотову пришла на умъ мысль, что часы, съ которыми онъ такъ
зцеремонно расправился, конечно самые вѣрные въ домѣ, и что
ужитель вѣроятно будитъ по нимъ хозяина, который можетъ,
слѣдствіе ихъ остановки, опоздать на службу, получить выговоръ
т. п. Насилу Ѳедотову удалось растолкать лакея, объяснить
у, въ чемъ дѣло, и, вернушись на свое мѣсто, заснуть.

Непрерывная, жгучая дѣятельность мозга истощила натуру
ашего художника, хотя на видъ онъ былъ крѣпокъ и силенъ; но
оди, которые его знали впродолженіи многихъ лѣтъ, могли ясно
идѣть разницу въ его физическомъ состояніи прежде и теперь.
оды усиленнаго труда и мозгового напряженія надорвали силы
едотова, но, несмотря на это, онъ продолжалъ такъ-же усиленно
аботать, надѣясь на себя и на свою энергію. Напрасно лучшіе его
рузья, видя его утомленіе, совѣтовали ему отдохнуть, онъ не слу-
алъ ихъ, постоянно твердя, что онъ не понимаетъ жизни безъ
порнаго, усидчиваго труда; что онъ, лично, не имѣетъ права на
акой отдыхъ, что на его рукахъ голодная семья, и кромѣ того онъ
бязанъ напоминать о себѣ публикѣ, такъ какъ прошелъ цѣлый
одъ, въ которомъ ему не удалось выставить ничего, а публика ни-
огда не прощаетъ подобнаго отношенія и готова приписать это при-
инамъ, ничего общаго съ правдой не имѣющимъ. «Свѣтъ сердится,—
оворилъ онъ,—когда отъ него отдаляешься, а я не намѣренъ ссо-
иться со свѣтомъ».

Во все время его художественной дѣятельности, со дня выхода
ъ отставку, Ѳедотовъ позволилъ себѣ только два раза насладиться
олнымъ отдыхомъ: во время первой выставки его картинъ, успѣхъ
оторыхъ заставилъ его на короткое время бросить палитру и кра-
ки и прислушиваться къ отзывамъ печати, и во второй разъ—во
ремя его поѣздки въ Москву, гдѣ за хлопотами по устройству се-
ейныхъ дѣлъ и за массой новыхъ знакомствъ онъ, по неволѣ, не
мѣлъ времени работать.

Скорбная, тяжелая мысль о положеніи родной семьи заставила его взяться за копіи со своихъ картинъ. Дружининъ увѣряетъ, что самъ Ѳедотовъ не могъ глядѣть на нихъ безъ терзаній, но долженъ былъ ихъ дѣлать въ силу необходимости, принимая въ разсчетъ и время, и деньги, такъ какъ, копируя, ему не требовалось натуры, и сдѣлать ихъ можно было гораздо скорѣе, чѣмъ писать новыя картины. Но, несмотря на такія жертвы, Ѳедотову не удалось спасти семью отъ разоренья: домикъ, въ которомъ родился онъ, былъ проданъ за долги, и, съ его продажей, средства семьи болѣе чѣмъ на половину уменьшились; она впала въ совершеннѣйшую нищету, и самъ Ѳедотовъ не видѣлъ никакой возможности выбиться изъ такого положенія.

Надрываясь подъ двойнымъ бременемъ собственнаго существованія и существованія близкихъ ему лицъ, онъ, какъ мы уже сказали, получилъ зачатки той болѣзни, которая свела его преждевременно въ могилу.

Признаки ея начали обнаруживаться еще съ весны 1852 года.

Въ маѣ мѣсяцѣ его посѣтилъ Лебедевъ и былъ пораженъ его худобой и задумчивостью, но въ особенности его поразила басня: «Слонъ и попугай», которую Ѳедотовъ прочиталъ ему.

Эта басня отличалась, по словамъ Лебедева, необыкновенной странностью основной мысли и безпорядкомъ въ сочетаніи идей. Лебедевъ откровенно высказалъ свое мнѣніе о ней, на что Ѳедотовъ возразилъ, что онъ уже не разъ слышалъ эти упреки въ странности, и что неужели онъ сталъ бо̀льшимъ чудакомъ, чѣмъ былъ прежде? При этомъ глаза его какъ-то лихорадочно горѣли, но улыбка была все такая-же кроткая и пріятная. Во время этого посѣщенія Ѳедотовъ много говорилъ о предстоящей выставкѣ и о томъ, что послѣ нея онъ поѣдетъ въ Москву на отдыхъ. «Потому,—прибавилъ онъ задумчиво,—что я начинаю уставать».

Лѣтомъ болѣзнь Павла Андреевича начала мало по малу развиваться. Ѳедотовъ сдѣлался мрачнѣе, былъ молчаливъ, и съ его устъ все рѣже и рѣже срывались мѣткія слова, удачныя сравненія. Онъ часто бывалъ у М. А. Половцева, съ которымъ его познакомилъ граверъ Бернардскій, и куда онъ ходилъ, какъ онъ выражался, «отогрѣвать душу», но, вмѣсто прежнихъ остроумныхъ разсказовъ, *веселыхъ разговоровъ, онъ* или мрачно молчалъ, или садился за фор-

КАКЪ ЛЮДИ САДЯТСЯ.

тепьяно и пѣлъ разные романсы, которые прерывалъ часто припѣвомъ, притомъ совершенно неожиданнымъ:

Брожу-ли я,
Пишу-ли я,
Все Юлія, да Юлія!
Веселья чашу братскую
Съ друзьями разопью-ли я,
И громко пѣсню хватскую
Съ гитарой пропою-ли я...
Все Юлія, все Юлія...
Невольно повторишь...
Ну, вотъ, поди-жъ!

и опять продолжалъ начатый романсъ, какъ будто этотъ припѣвъ былъ необходимъ для всѣхъ романсовъ, распѣваемыхъ имъ въ то время, хотя эта музыкальная шутка была написана имъ для гитары и фортепьяно нѣсколько лѣтъ назадъ. Безотчетная тоска, которая, по разсказамъ близко знавшихъ его людей, никогда прежде его не посѣщала, часто стала его мучить, прерываясь иногда порывами самой неожиданной и бурной веселости.

Съ середины лѣта болѣзнь совершенно овладѣла Ѳедотовымъ. Впродолженіи нѣсколькихъ дней онъ ходилъ по Петербургу и окрестностямъ, заходилъ въ магазины, покупалъ разныя драгоцѣнныя вещи для какой-то воображаемой имъ свадьбы, намекая на ожидавшее его величайшее счастье, и роздалъ всѣ деньги, полученныя имъ незадолго передъ тѣмъ за одну изъ своихъ копій, а также и тѣ, которыя были предназначены для помощи роднымъ.

Друзья поспѣшили принять мѣры и донесли начальству Академіи о развившейся болѣзни художника; послѣ доклада Государю, который приказалъ приложить всѣ старанія для излеченія Ѳедотова и опредѣлилъ на этотъ предметъ пятьсотъ рублей, онъ былъ помѣщенъ въ лечебницу для душевно-больныхъ доктора Лейдесдорфа, на Пескахъ.

Вѣроятно, что этой лечебницѣ Ѳедотовъ, вмѣсто поправленія, былъ обязанъ только усиленіемъ ужасной болѣзни. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ свидѣтельство такихъ, вполнѣ правдивыхъ, лицъ, какъ художники Бейдеманъ и Жемчужниковъ, которые, пріѣхавши разъ навѣстить Ѳедотова, были поражены какъ помѣщеніемъ, въ которомъ онъ находился, такъ и состояніемъ самого больного.

Въ прекрасномъ, чрезвычайно выразительномъ рисункѣ Бейдеманъ выразилъ то впечатлѣніе, которое произвела на него сцена

свиданія съ больнымъ Ѳедотовымъ, и показалъ этотъ рисунокъ своему профессору, Маркову, который, въ свою очередь, не преминулъ донести кому слѣдуетъ объ ужасномъ положеніи Ѳедотова.

Вслѣдствіе этого, онъ былъ переведенъ въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ на Петергофской дорогѣ, гдѣ пять мѣсяцевъ боролся съ ужаснѣйшими страданіями.

Его сильный организмъ долго противился вліянію болѣзни, но могучая фантазія оказалась въ этомъ случаѣ для него гибелью: во все время страданій мозгъ его работалъ съ удвоенной силой и не давалъ ему ни минуты спокойствія, ни благодѣтельнаго сна. Несмотря на такія страданія, память его настолько сохранилась, что онъ узнавалъ посѣщавшихъ его друзей, разспрашивалъ объ отсутствующихъ, чертилъ рисунки на стѣнахъ своей комнаты. Порою на него находило бѣшенство, и тогда онъ видѣлъ передъ собой чудовищные сцены и образы; порою онъ воображалъ себя богачемъ, развивалъ передъ собравшимися друзьями грандіозный проэктъ превращенія Васильевскаго острова въ Аѳины, столицу искусства, съ дворцами, садами, статуями и пантеонами...

По городу ходило много различныхъ догадокъ и сплетенъ по поводу причинъ, повлекшихъ за собой болѣзнь Ѳедотова. Многіе думали, что тутъ не обошлось безъ участія романическихъ причинъ, и въ подтвержденіе этому указывали на то, что передъ окончательнымъ заболѣваніемъ Ѳедотовъ часто упоминалъ какую-то Юлію, «все Юлія, да Юлія», но мы знаемъ, что причиной его болѣзни была вовсе не Юлія, а страшный, упорный трудъ и постоянная борьба съ плохо сложившимися матеріальными обстоятельствами.

Дней за десять до своей смерти Ѳедотовъ пришелъ въ себя; но эта видимая поправка не обманула опытныхъ докторовъ, такъ какъ у Ѳедотова ко всему прибавилась еще и водянка, быстро развившаяся и въ конецъ подорвавшая силы нашего художника. Да и самъ Ѳедотовъ не вѣрилъ въ благопріятный исходъ, когда поручилъ своему вѣрному другу - деньщику, Коршунову, ухаживавшему за нимъ во все время его болѣзни, дать знать своимъ друзьямъ, Дружинину, Лебедеву и Бейдеману, что онъ передъ смертью желаетъ съ ними проститься. Но къ несчастью эти лица не поспѣли во-время и пріѣхали тогда, когда Ѳедотова уже не было въ живыхъ. Причиной такого опозданія было то, что служитель, которому Коршуновъ довѣрилъ это порученіе, получивши отъ него *на водку, вмѣсто того,* чтобы отправиться по назначенію, попалъ

въ ближайшій кабакъ, а оттуда, за буйство,—въ участокъ, гдѣ и просидѣлъ цѣлый день, и только на слѣдующій могъ исполнить данное ему порученіе.

Ѳедотовъ умеръ на рукахъ своего вѣрнаго Коршунова 14 ноября 1852 года.

Черезъ четыре дня, 18 ноября, по Петергофской дорогѣ тянулась погребальная процессія, сопровождаемая огромной толпой друзей, художниковъ, профессоровъ Академіи и бывшихъ однополчанъ покойнаго.

За гробомъ никто не плакалъ, кромѣ одного стараго деньщика Коршунова, который потерялъ въ умершемъ художникѣ, не столько добраго барина, сколько человѣка, къ которому онъ былъ привязанъ, какъ къ лучшему другу, съ кѣмъ онъ жилъ душа въ душу впродолженіи болѣе пятнадцати лѣтъ, которому онъ впродолженіи этого времени болѣе чѣмъ безкорыстно служилъ.

Но если за гробомъ никто не проливалъ слезъ, то каждый сознавалъ всю огромность понесенной потери, ибо Ѳедотовъ былъ тогда единственнымъ и первымъ представителемъ того національнаго направленія въ русской живописи, которое теперь, спустя сорокъ лѣтъ послѣ его смерти, завоевало себѣ не только право гражданства, но стало единственно возможнымъ и понятнымъ для всѣхъ, кому только дороги судьбы русскаго искусства.

Ѳедотовъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, недалеко отъ большой церкви и въ десяти шагахъ отъ могилы знаменитой русской артистки В. И. Ассенковой. Надъ его могилой стоитъ мраморный памятникъ, сооруженный на пожертвованія его ближайшихъ друзей и почитателей.

У Ѳедотова послѣ его смерти остались старикъ-отецъ и двѣ сестры. Всѣ трое жили въ то время въ гор. Ростовѣ, Ярославской губерніи, и существовали, кромѣ скуднаго пенсіона старика-отца, на средства, добываемыя одной изъ сестеръ, въ качествѣ надзирательницы одного богоугоднаго заведенія. Что́ сталось съ ними потомъ—мы никакихъ указаній не нашли.

Такъ жилъ и умеръ человѣкъ, про котораго можно сказать, что онъ былъ живымъ олицетвореніемъ самаго страшнаго, упорнаго труда, живымъ носителемъ правды и образцомъ для будущихъ русскихъ художниковъ. Онъ первый проторилъ для нихъ эту дорогу, по которой такъ плавно и величаво, несмотря на множество препятствій, ѣдетъ колесница русскаго національнаго искусства! Дай

Богъ, чтобы примѣръ Ѳедотова, его горячее исканіе правды и новыхъ путей для искусства вдохновляли ту плеяду прекрасныхъ именъ, которыми русское искусство и общество по справедливости могутъ и должны гордиться!

Считаемъ нелишнимъ привести свѣдѣнія, гдѣ и у кого находятся картины Ѳедотова:

Въ *Московскомъ публичномъ музеѣ* — «Сватовство маіора», «Свѣжій кавалеръ или утро чиновника, получившаго первый орденъ» и «Вдовушка» (копія);

у *ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА* — акварели: «Бивуакъ л.-гв. Павловскаго полка», «Бивуакъ л.-гв. Гренадерскаго полка» и картина масляными красками «Отставной воинъ, представляющій передъ женой смотръ войскамъ»;

въ *Михайловскомъ Дворцѣ* — «Возвращеніе Вел. Кн. Михаила Павловича въ Красное село». Акварель;

у *К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ*,—«Вдовушка» (оригиналъ);

у *П. М. Третьякова, въ Москвѣ*,—«Вдовушка» (повтореніе);

у *Г. И. Хлудова, въ Москвѣ*,—«Разборчивая невѣста»;

у *г. Юзефовича*—«Дворцовый гренадеръ въ Финляндскомъ полку».

КОНЕЦЪ.

Популярно-научныя книги.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи. *Коллинса*. Перев. съ англійскаго *П. Мокіевскаго*. Ц. 2 руб.

Законы подражанія. *Тарда*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астроном. фантазія *К. Фламмаріона*. Перев. съ франц. *В. Ранцева*. 350 стр., съ портр. автора. Ц. 80 к.

Пессимизмъ. *Дж. Сёлли*. Популяр. обзоръ всѣхъ пессимист. ученій. Пер. съ англ. подъ редак. и съ предисл. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена*. Ц. 60 к.

На всякій случай! Совѣты по домоводству. *А. Альмедингена*. Цѣна 50 к.

На всякій случай! *Его-же*. Ч. 2-я. Ц. 50 к.

Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к.

Гигіена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.

Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

Гигіена дѣтства. Д-ра *Перье*. Перев. съ фр. *Русаковой*, пересмотр. д-ромъ А. И. Добровольскимъ. Ц. 50 к.

Уходъ за больными дѣтьми. Д-ра *Э. Перье*. Перев. съ франц. *Э. Русаковой*, пересмотрѣнный д-ромъ А. И. Добровольскимъ Ц. 50 к.

Уходъ за больными въ семьѣ. Д-ра *Энцлера*. Перев. съ нѣм. *Русаковой*, пересмотр. д-ромъ А. И. Добровольскимъ. Ц. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама*. Ц. 40 к.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра *Мигулы*. Перев. съ нѣмецкаго съ 35 рис. Ц. 1 руб.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брема*. Дополн. къ его сочин. „Жизнь животн.". Со многими рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера*. Переводъ съ франц. и дополнилъ *М. Энгельгардтъ*. Съ 84 рисунками. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. *А. Ланге*. Ц. 1 р. 25 к.

Трудъ и капиталъ. Первонач. свѣдѣнія по политической экономіи. Перев. съ польск. *Свидерскаго*. Ц. 20 к.

Огородничество. Практическія наставленія. *Ф. Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *И. Вавилова*. Популярное руководство для повѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнечныхъ часовъ. Съ 13 рис. Книжка эта одобрена Академіей Наукъ. Ц. 30 к.

Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

Міръ грезъ. Д-ра *Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. Составилъ *Графинеи*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ 2 р.

Усталость. *Популярно-науч.* бесѣды профес. *Мосго*. Перев. съ итальян. *М. Манасеиной*. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца*. Переводъ съ 5-го итальянск. изданія. Ц. 1 р. 50 к.

Физіологическая психологія. *Цизена*. Пер. съ нѣм., подъ редакціей профес. *Чижа*. Съ 21 рис. Ц. 75 к.

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрическіе очерки. Д-ра *Реньяра*. Переводъ съ франц. *Эл. Заугрз*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія. 6-е изд., съ 65 рис. Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. Съ 100 рис. Ц. 1 р.

Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона*. Перев. съ фр. *Е. Предтеченскаго*. Съ 64 рис, Ц. 50 к.

Телефонъ и его практическія примѣненія. *Майера* и *Присса*. Перев. съ нѣм. и англ. *Д. Головъ*. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электричество въ природѣ. *Дж. Дари*. Пер. съ фр. *Д. Голова*. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическіе елементы. Соч. *Ніодв*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

Электрическіе аккумуляторы. *Ренье*, Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуляторами. *Соломонса*. Пер. съ 6-го англ. изд, *Д. Головъ*. Практич. руковод. для любит. 81 рис. и 2 діагр. разсчета діам. проводовъ. Ц. 1 р. 25 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *Л. Гано* и *Ж. Маневрье*. Пер. *Ф. Павленкова*, *В. Черкасова* и *С. Степанова*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйш. приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніе). Сост. *Каппъ*. Съ рис. въ текстѣ. Перев. *Д. Голова*. Ц. 1 р. 60 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рисунк. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ кратк. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Перев. съ англ. *Д. Головъ*. Ц. 1 р.

Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли*. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Соціальн. жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-науч. философіи. *А. Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 50 к.

Современные психопаты. Д-ра *Л. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *П. Ломброзо*. Съ портр. автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье*. Съ 34 рисунк. Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Чтенія для народа. Съ 8 рис. Бар. *Н. Корфа*. Ц. 10 к.

Воздушное садоводство. Н. Жуковскаго. Съ 73 рис. 2-е изд. Ц. 60 к.

Школьный садоводъ. Л. Волотовскаго. Ц. 20 к.

Учебныя руководства и пособія.

АЛЬГЕБРА. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к.

КУРСЪ НАЧАЛЬНОЙ МЕХАНИКИ. *И. Рыкачева.* Съ 197 рис Ц. 1 р. 50 к.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ. *А. Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Цѣна 60 коп.

КУРСЪ МЕТЕОРОЛОГІИ И КЛИМАТОЛОГІИ. Проф. Лѣсного Института *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рис. и 6-ю картами. Цѣна 2 р.

ОБЩІЯ ОСНОВЫ ХИМИЧЕСК. ТЕХНОЛОГІИ. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунк. Ц. 1 р. 50 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1215 рис., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Цѣна 4 р.

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИКА. *А. Гано.* Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 106 рис. Ц. 2 р.

КРАТКАЯ ФИЗИКА. *М. Герасимова.* Съ 335 рис. и 214 задачами. Цѣна 1 р.

ПОПУЛЯРНАЯ ХИМІЯ. *Н. Вальберха* и *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 50 рис. Ц. 40 к.

УЧЕБНИКЪ ХИМІИ. *Алмедингена.* Съ 96 рис. Ц. 2 р.

ОБЩЕПОНЯТНАЯ ГЕОМЕТРІЯ. *В. Потоцкаго.* Съ 143 фиг. Ц. 40 к!

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ. *Бурдонъ Сандерсона.* Перев. д-ра *Фридберга.* Въ 2-хъ томахъ, со мног. рис. 2-е изд. Ц. 3 р.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ РАБОТЫ въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е дополн. изд. Ц. 15 к.

МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. *С. Житкова.* Ц. 75 к.

СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ СЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 40 к.

СБОРНИКЪ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ УПРАЖНЕНІЙ ПО АРИѲМЕТИКѢ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 25 к.

УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ для городскихъ училищъ. *И. Плетенева.* Съ рис. Ц. 30 к0

НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ. *Корнеля.* 11-е изд., съ 10-ю раскраш. картинами и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к!

ЭПИЗОДИЧЕСКІЙ КУРСЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ. *А. Кузнецова.* 2-е изд. Ц. 1 р.

НАГЛЯДНАЯ АЗБУКА. *Ф. Павленкова.* Съ 800 рис. 12-е изд. Ц. 20 к.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ „НАГЛЯДНОЙ АЗБУКѢ". *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Ц. 15 к.

РОДНАЯ АЗБУКА. *Ф. Павленкова.* 8-е изд. Съ 200 рис. Ц. 5 к.

АЗБУКА-КОПѢЙКА. *Ф. Павленкова.* 11-е изд. 12 стр. 100 рис. Ц. 1 к.

НАГЛЯДНО-ЗВУКОВЫЯ ПРОПИСИ. *Ф. Павленкова:* 1) Къ „Родному Слову". Ушинскаго. (400 рис.). 2) Къ „Азбукѣ Бунакова". (460 р.). 3) Къ „Первой учебной книжкѣ". Паульсона. (430 рис.). 4) Къ „Русской азбукѣ". Водовозова. (470 рис.). 5) „Общія наглядно звуковыя прописи" (къ другимъ азбукамъ). (464 рис.). Цѣна каждой книжки 3 к.

ЗЕРНЫШКО. *Т. Лубенца.* Первая посо"ѣ: збуки *для чтенія и письма. Со* многим рис. *ж. Вторая книга—40 к.*

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ВОСКРЕСН. ШКОЛЪ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.

РУКОВОДСТВО къ „Зернышку". *Лубенца.* Ц. 50 к.

ИТОГИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ въ Европейск. государствахъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.

МЕТОДИКА АРИѲМЕТИКИ. *Лубенца.* Ц. 30 к.

НАШЪ ДРУГЪ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ Баронъ *Н А. Корфъ.* 15-е изд. Съ 200 рис. и портр. Ц. 75 к.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. Иллюстрированная христоматія К. *Тарновскаго.* Съ 80 рис. и портретами. 4-е изд. Ц. 60 к.

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ГРАММАТИКА РУССКАГО ЯЗЫКА. *А. Чудинова.* 5-е изд. Ц. 50 к.

НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ГРАММАТИКА. *Бучинскаго.* Ц. 30 к.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ БУКВАРЬ. *Лубенца.* Ц. 5 к.

РУКОВОДСТВО КЪ „ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ БУКВАРЮ". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.

КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя". Ц. 10 к.

РУССКОЕ СЛОВО. *А. Павлова.* Сборникъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для городскихъ училищъ. Ц 1 р.

РУКОВОДСТВО КЪ „РУССКОМУ СЛОВУ" *А. Павлова.* Ц. 60 к.

АЗБУКА ДОМОВОДСТВА И ДОМАШНІЙ ГИГІЕНЫ. Состав. *М. Климa.* Перев. *Н. Корфъ.* Ц. 75 к.

ТРИСТА ПИСЬМЕНН. РАБОТЪ. Для упражненій въ начальной школѣ. *Н. Корфа.* Ц. 15 к.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПРАВОПИСАНІЕ. 40 диктовокъ съ указаніемъ грам. правилъ. *Корфа.* Ц. 12 к.

СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ ПО РУССК. ПРАВОПИСАНІЮ. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣдѣн. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элементарн. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.

СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. *Лубенца.* 11-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. 40 к.

СБОРНИКЪ АЛГЕБРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ. *Савицкаго.* Ц. 40 к.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ. *М. Герасимова.* Съ 96 рис. Ц. 50 к.

ДЕШЕВЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.

ОЧЕРКИ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ. *И. И. Грибовича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. 2 р.

ПЕРВЫЯ ПОНЯТІЯ О ЗООЛОГІИ. *Поля Бера.* Переводъ подъ редакц. проф. *И. Мечникова.* 2-е изд. Съ 315 рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к. Въ переплетѣ 1 р. 50 к.

КРАТКІЙ КУРСЪ БОТАНИКИ. *Сіязова.* 118 рис. Ц. 50 к.

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЗЕМЛЕМѢРІЕ. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.

РУКОВОДСТВО КЪ РИСОВАНІЮ АКВАРЕЛЬЮ. *А. Лакассеня.* Съ 120 рис. и 6-ю акварелями. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

ND 699 .F4 D5 C.1
P. A. Fedotov
Stanford University Libraries
3 6105 040 542 412

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-9201
salcirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.
DATE DUE

MAR 2 1 2004
JUN 0 9 2004

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: **Андерсенъ, Аристотель, Байронъ**, Бальзакъ, Бахъ, **Беккаріа и Бентамъ, Ф. Беконъ, Беранже**, Клодъ-Бернаръ, **Берне, Бетховенъ**, Бисмаркъ, **Боккачіо**, Бокль, **Бомарше, Дж. Бруно, Будда (Сакіа-Муни), Р. Вагнеръ**, Вашингтонъ, Виклефъ, **Л. Винчи**, Вирховъ, (Вольта и Гальвани), Вольтеръ, Гайднъ, **Галилей**, Гальвани (и Вольта), **Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ**, Гогартъ, Гракхи, **Григорій VII, Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Даггеръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ**, Декартъ, Демосфенъ (и Цицеронъ), **Дефо, Дженнеръ**, Дидро, **Диккенсъ**, Жанна-Даркъ, Жоржъ-Зандъ, **Кальвинъ, Кантъ, Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ**, Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій, Коперникъ**, Кукъ, **Кювье, Лавуазье, Ляйель, Лапласъ** (и **Эйлеръ**), **Лейбницъ**, Лессепсъ, **Лессингъ**, Либихъ, **Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ**, Лопе-де-Вега, Лютеръ, Магелланъ, Магометъ, Макіавелли, Маколей, **Мейерберъ**, Меттернихъ, **Микель-Анджело, Миль**, Мильтонъ, **Мицкевичъ, Мольеръ**, Мольтке, **Монтескье, Морзе** (и **Эдиссонъ**), **Т. Моръ Моцартъ**, Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, **Ньютонъ, Паскаль**, Пастеръ, **Песталоцци**, Платонъ, **Прудонъ, Рабле, Рафаэль**, Рембрандтъ, Рикардо, **Ришелье**, Ротшильды, Руссо, **Савонарола, Сакіа-Муни (Будда), Свифтъ**, Сервантесъ, **В. Скоттъ**, А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спинова, **Стэнли, Стефенсонъ** (и **Фультонъ**,) Тацитъ и (Ювеналъ), **Теккерей, Торквемада, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ**, Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, **Фультонъ** (и **Стефенсонъ**), **Цвингли**, Цицеронъ (и Демосфенъ), Шекспиръ, **Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Эдисонъ** (и **Морзе**,) **Эйлеръ** (и **Лапласъ**), **Дж. Эліотъ**, Ювеналъ (и Тацитъ), **Юмъ**, и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Александръ II, Виронъ, Богданъ Хмѣльницкій, **Боткинъ**, Бутлеровъ, Бѣлинскій, **Бэръ, Волковъ**(основатель русскаго театра), **Воронцовы, Глинка, Гоголь**, Гончаровъ, Грановскій, **Грибоѣдовъ**, Даргомыжскій, **Дашкова, Демидовы, Державинъ, Достоевскій**, Екатерина II, Жуковскій, Ивановъ, **Иванъ IV, В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), Карамзинъ, С. В. Ковалевская, **Кольцовъ, Баронъ Н. А. Корфъ**. Н. И. Костомаровъ, **Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ**, Менделѣевъ, Меншиковъ, Некрасовъ, **Никитинъ, Никонъ, Новиковъ**, Островскій, **Перовъ**, Петръ Великій, **Пироговъ**, Писемскій, Н. Полевой, Посошковъ, **Потемкинъ, Пржевальскій, Пушкинъ**, Радищевъ, **Салтыковъ, Сенковскій**, Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій**, Станкевичъ, **Струве**, Суворовъ, **Сѣровъ**, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, **Ушинскій, Фонъ-Визинъ, Щепкинъ**, А. Н. Энгельгардтъ, **Ѳедотовъ** и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка**, *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 15 октября 1893 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Спб. Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 к.**

75694

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 сентября 1893 года.